

Дарья Донцова

Тарпия с прапеллером

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Гарпия с пропеллером
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 20

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118860

Аннотация

В одно отнюдь не прекрасное утро к любительнице частного сыска Даше Васильевой приехала подруга Лена Гладышева и обвинила в том, что та тайно подсунула в почтовый ящик двадцать тысяч долларов. Но это была не Даша! Муж Лены Олег исчез год назад при загадочных обстоятельствах. Лена вначале бедствовала, но от помощи гордо отказалась... Только все стало налаживаться, и бац! Кто-то подбросил ей якобы от имени Олега деньги. Подруги решили выяснить у консьержки, кто подложил конверт. Та сказала, что это была почтальонша Соня. Пока Даша беседовала с Соней, какие-то отморозки убили консьержку и тяжело ранили Лену. Почтальонша описала мужика, передавшего ей деньги. Похоже, это был... Олег. Неужели он сбежал от жены и сына? Почему?.. Менты мышей не ловят, считают происшедшее простым совпадением. Ну ничего, Дашутка всех их умоет, особенно полковника Дегтярева! Она отыщет Олега – живого или мертвого!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	85
Глава 9	98
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дарья Донцова

Гарпия с пропеллером

Глава 1

Если не в деньгах счастье, то почему никто не дарит их своим соседям? Эта мысль вихрем пронеслась в моей голове, когда Ленка Гладышева бросила мне в лицо пачки зеленых купюр. Они разлетелись по холлу, их было много, наверно, тысяч двадцать.

– Ты с ума сошла? – удивилась я.

– Это у тебя крыша поехала! – взвизгнула Ленка, сделала шаг к креслу у вешалки, но не дошла до него и стекла на пол. Закрыв лицо руками, она принялась горько плакать, иногда выкрикивая: – Ну скажи, как тебе в голову пришла такая мысль? Как?!!

Я присела возле нее на корточки:

– Извини, но я ничего не понимаю.

Ленка вытерла рукавом белоснежного свитера лицо. Нежная шерсть окрасилась в красно-желто-черный цвет.

– Ага, – всхлипнула подруга и ткнула пальцем в стодолларовые купюры, – а это что?

– Деньги, – ошарашенно ответила я, – похоже, тысяч двадцать, не меньше.

– Вот, – гневно подхватила она, – и сумму назвала точно, значит, это ты!

– Что я?

– Положила их в мой почтовый ящик да еще снабдила идиотской запиской! – заорала Лена, делаясь пунцовой.

Сейчас, когда основная часть косметики с ее лица переместилась на свитер, стало видно, что под глазами у подруги иссиня-черные круги.

– Ничего я не клала, – отбивалась я.

– А знаешь, что там ровно двадцать тысяч долларов?! – не успокаивалась Лена. – Откуда они взялись, скажи на милость?

– На мой взгляд, – я попыталась сохранить спокойный вид, – это не такая уж запредельная сумма...

– Ага, – злобно прошипела Гладышева, – вот оно как! Не запредельная! Конечно, богатеньким Буратино двадцать тысяч баксов ерундой кажутся, а мне за эту сумму работать, работать и не заработать!

И она пнула ногой небольшой овальный столик, на который мы обычно кладем ключи, перчатки и другие мелочи. Но сейчас на нем, как на грех, стояла небольшая вазочка, в которой торчал букетик неизвестных мне цветов, этакая помесь ромашек с пионами. Фарфоровый сосуд закачался, упал на пол и мигом превратился в кучу разнокалиберных осколков.

– Муся, – закричала, свесившись со второго этажа, Маш-

ка, – ты опять разбила что-то? Ой, привет, тетя Лена! Чего на полу сидишь?

Понимая, что дочь сейчас ринется вниз и налетит на бьющуюся в истерике Ленку с вопросами, я быстро сказала:

– Маня, сделай милость, иди к себе.

Маруська, уже было спустившаяся на одну ступеньку, замерла, потом вполне миролюбиво ответила:

– Ага, понятно. Вообще-то у меня Интернет включен.

С этими словами она преспокойно удалилась. Я вздохнула. Рано или поздно дети вырастают, вот и Машка из подростка постепенно превращается во взрослую девицу. Год назад в подобной ситуации она бы ни за какие коврижки не ушла.

Я повернулась к Гладышевой:

– Если тебе станет легче от битья посуды, иди в столовую. Там стоит парочка буфетов с тарелками и фужерами, можно перебить их все.

– Еще и издеваешься, – прошептала Лена, закрывая лицо руками и дрожа, словно озябшая мышь.

Меня охватила жалость. Конечно, Гладышева истеричка, но в последнее время жизнь ее отнюдь не баловала, скорее, наоборот, била по голове.

Я погладила Ленку по плечу. Она прижалась ко мне и зарыдала.

– Леночка, – осторожно спросила я, – объясни толком, что случилось, при чем тут доллары, отчего ты примчалась к нам

поздно вечером... И вообще, ты как добралась до Ложкина, на такси?

– Бомбиста взяла, – неожиданно спокойно ответила Лена, – такой гад попался! Пятьсот рублей затребовал!

– И ты дала? – удивилась я.

Она кивнула:

– Больше никто не соглашался за город ехать, а я так на тебя обозлилась! Просто тряслась вся.

– За что?

– За деньги!!!

Понимая, что разговор пошел по кругу, я вздохнула и попыталась хоть как-то образумить Гладышеву.

– Ленка, ну послушай! Ей-богу, я ничего не знаю об этих долларах.

– Кто же тогда подложил мне их в ящик?

– Понятия не имею. А потом, что же плохого, если ты нашла в почтовом ящике крупную сумму?

– Значит, все же ты, – торжествующе заявила Гладышева. – Ладно, я понимаю, что ты хотела помочь, но извини, это слишком жестоко.

Она вытащила из кармана смятый листок и сунула его мне в руки. Я машинально развернула бумажку. «Трать на ребенка! Они твои. Потом получишь еще». Ни числа, ни подписи, а текст распечатан на принтере.

– Какая же ты дрянь! – прошептала Ленка. – Придумала прислать деньги от имени Олега!

Мне моментально стало все ясно. Я решительно схватила ее за руки.

– Пошли в столовую, выпьем чаю и поговорим.

Гладышева не стала сопротивляться. Еще раз вытерев лицо рукавом свитера, она молча встала и двинулась в комнату. Я пошла за ней.

Олег Гладышев был моим старым приятелем, до третьего класса мы ходили в одну школу, а его бабушка близко дружила с моей. Их даже звали одинаково: гладышевскую бабку – Ася, а мою – Афанасия, сокращенно Фася. В девять лет Олег поступил в балетное училище, и мы стали встречаться реже. Он был беспросветно занят: учеба, репетиции, спектакли. Правда, особой карьеры на сцене Олег не сделал, его не взяли солистом ни в Большой, ни в какой-либо другой московский театр. Предложение поступило из Минска, но Олег не захотел уезжать из столицы. Он пристроился в ансамбль «Ритмы молодежи» и ни разу не пожалел о своем решении. Иногда, забегая в гости, приятель говорил:

– Что господь ни делает, все к лучшему. Ну сидел бы я сейчас в Большом, и чего? Да там люди всю жизнь ввода в спектакль ждут. Дадут тебе перед выходом на пенсию роль, и будь счастлив. А в «Ритмах» я по горло занят. Да и весь мир посмотрел.

Уж не знаю, насколько Олег и впрямь не тужил, что не танцует принцев и корсаров, но вот насчет увиденного мира – это сущая правда. «Ритмы молодежи» без конца мота-

лись по гастролям. Правда, приглашали ансамбль в основном, как тогда говорили, «страны третьего мира». Под последними подразумевали Африку, Индию и Арабский Восток. Из двенадцати месяцев в году восемь Олег проводил на гастролях. Северный и Южный Йемен, Египет, Марокко, Тунис, Турция... Он даже съездил во Францию и привез мне оттуда замечательную кофточку. Может, конечно, Олег и переживал, что не занимается «высоким» искусством, а исполняет танцы народов СССР, может, и грыз его в душе червячок, но внешне Гладышев выглядел замечательно, да и материальных проблем у него не стало. Он купил кооперативную квартиру, машину, оделся, обулся... Родители его и бабушка к тому времени умерли, так что все средства парень тратил только на себя, любимого. Жены у Олега не было, я попыталась устроить его личное счастье и познакомила с Нинкой Расторгуевой, вполне приличной, на мой взгляд, невестой. Правда, она была излишне толстой, зато имела папу-адмирала и являлась наследницей квартиры, дачи, тугой сберкнижки, картин... Всего не перечислишь.

Но любви не получилось. Более того, Нинка стала убеждать всех знакомых, что Олег «голубой».

– Все они балетные такие, – злилась Расторгуева, – к жизни с нормальными женщинами не приспособлены.

Услышав в первый раз это заявление, я возмутилась и спросила:

– И почему ты сделала такой вывод?

Она скорчила гримасу:

– Ну прикинь! Мы встречались два месяца, а он не делал никаких попыток меня... сама понимаешь, что я имею в виду. В рестораны водил, на вернисажи, к себе на концерты звал... И все! Доведет до дома, на этаж поднимется, подождет, пока я дверь открою, и привет! Я ему: «Зайди, Олежа, чаю попьем», – а он головой качает: извини, мол, устал очень, спать поеду. Нет, точно гомик!

Обозвав Нинку дурой, я допросила Олега. Приятель только пожал плечами:

– Так ведь правда я очень устаю: репетиции, концерты... Еле-еле до дивана доползаю. И потом, ну не могу я сразу с женщиной в кровать прыгать. Извини, мне сначала к ней привыкнуть надо.

– Ты так никогда не женишься, – ухмыльнулась я.

Олег развел руками:

– Ну не получается у меня по-другому. Может, и впрямь я старомоден... Понимаешь, хочу жениться один раз и на всю жизнь.

Я только вздохнула. У меня самой за плечами к тому времени имелись неудачные браки, а ведь я тоже когда-то мечтала, чтобы раз и навсегда. Ничего, скоро Олег побежит в загс.

Но Гладышев явно не торопился. Связал себя брачными узами он пять лет назад, уже выйдя на пенсию. Ленка сразу стала моей подругой, веселая, неунывающая журналист-

ка, работающая в одном из модных журналов. Уйдя из ансамбля, Олег пристроился работать в Дом моделей, к известному московскому кутюрье Гарику Сизову. Только не подумайте, что бывший танцор бегал по «языку», демонстрируя наряды. Вовсе нет. Олежка обучал моделей танцам, ставил дефиле и вновь казался совершенно счастливым.

– Ты не поверишь! – воодушевленно объяснял он мне. – Это так интересно! Девчонки невероятно талантливы.

Материальных проблем у него не было. Наивные советские люди, доверявшие сберегательным кассам больше всего на свете, потеряли свои денежки в огне перестройки. Многие мои, даже самые обеспеченные друзья мигом стали нищими. Но Олег никогда не хранил деньги в сберкассе, впрочем, в чулке он их тоже не держал. Гладышев вкладывал средства в золото и драгоценные камни, а еще он оказался настолько умен, что купил дачу в элитном поселке и начал сдавать дом. Одним словом, в тот момент, когда все обнищали, Олежка жил, как раньше, в полной гармонии с собой и окружающим миром. Я ему частенько позванивала, у него не было никаких проблем, и он излучал добродушие.

Ленка пришла в Дом моделей, чтобы взять у Гарика интервью. Она много и часто писала про моду. Увидела Олега и влюбилась. Роман их развивался стремительно. Через сорок восемь часов после знакомства они пошли в загс и, сунув регистраторше взятку, упросили расписать их немедленно.

Когда Олег сообщил, что женился, я долго не могла при-

ти в себя, а потом ехидно спросила:

– А как же принципы, не позволяющие тебе связываться с дамой, которую ты мало знаешь?

Олежка глянул на меня большими карими глазами и без тени улыбки ответил:

– Понимаешь, это моя женщина, я ждал ее всю жизнь.

Я только хлопала глазами. Правда, Ленка понравилась мне сразу, а некоторое время спустя мы крепко подружились.

Аккурат через девять месяцев после похода в загс у Олега с Ленкой родился сын Алешенька. Более сумасшедшего папаши, чем Гладышев, свет не видывал. Все приятели долго веселились, вспоминая, как он купил месячному ребенку мопед. А едва мальчик стал ходить, папаша начал рассуждать о приобретении для него квартиры.

– Ох, избалует он ребенка, – шипела так и не вышедшая замуж Нинка Расторгуева, – уголовник вырастет. И жену свою потеряет! Всю брюликами обвесил, живого места не оставил. Нет, она точно к другому уйдет и сына возьмет!

Расторгуевой, чей роман с Олегом так и не достиг завершающей стадии, страстно хотелось увидеть Гладышева у разбитого корыта. Но, как назло, у него все было прекрасно. Ленка, хоть и получала регулярно в подарок кольца, браслеты и кулоны, совершенно не разбаловалась, а продолжала бегать на рынок за парной говядиной, чтобы сделать мужу вкусные котлеты. В их семье никогда не ругались и царил ма-

териальный достаток. Лешенька рос здоровым мальчиком, некапризным, улыбчивым, покладистым. Казалось, ничто не может помешать их счастью. Но вот случилась беда. Чуть больше года назад, 31 декабря, Ленка позвонила мне и напряженным голосом спросила:

– Олег у тебя?

– Нет, – удивленно ответила я, – мы сейчас в ресторан выезжаем, а что случилось?

– Ничего, – звенящим голосом ответила она, – только его до сих пор дома нет. Он с утра поехал по делам, а в обед собирался завалиться к вам, в Ложкино, поздравить с Новым годом. Подарки взял и исчез.

– Позвони по мобильному, – посоветовала я.

– Так все время звоню! – воскликнула она. – А он не берет!

– Может, не слышит?

– Ага, – пробормотала Лена, – может, и так!

Я посмотрела в окно. На улице разгулялась пурга, мостовая сейчас, наверное, походит на тарелку с холодной овсяной кашей, такая же омерзительно скользкая.

– Ты не переживай, – принялась я утешать подругу, – если бы что серьезное стряслось, то давно бы тебе позвонили. У дурных вестей быстрые ноги. Может, колесо проколел и сейчас чертыхается где-нибудь на обочине.

Следующий звонок прозвучал первого января около десяти утра.

– Олег не появился, – сообщила Ленка, – он пропал!

Я понеслась к Гладышевой.

С тех пор прошел год, даже больше, потому что сейчас уже начало февраля. Олег так и не вернулся, и мы с Ленкой прошли все круги ада, уготованные тем, у кого пропадали родственники.

Отнесли заявление в милицию, которое там сначала не желали брать, сообщив, что сотрудники завалены серьезной работой и до нас им дела нет. Затем мы принялись обзванивать больницы, морги... Искали Олега в следственных изоляторах, психиатрических клиниках и домах-интернатах для слабоумных. Мы разослали объявления с его фотографией, наверное, во все выходящие газеты и журналы, пробились на телевидение и радио. Результат – чистый ноль. Получилось, что человек бесследно испарился посреди бела дня в огромном мегаполисе. Гладышева никто не видел, впрочем, его машину тоже. Нажав на все кнопки и используя связи полковника Дегтярева, я сумела сделать так, что «Жигули» Олега были объявлены в розыск, на этом моя энергия иссякла. Ленка сломалась раньше. Сначала она тихо плакала, а потом сказала:

– Его нет в живых.

– Погоди, – цеплялась я за последнюю надежду, – вдруг он от тебя просто убежал.

– Убежал? – поразилась Ленка. – Куда? Зачем?

– Ну, полюбил другую...

Она устало улыбнулась:

– Большой глупости и придумать нельзя! Убежал! Ладно, предположим на секунду, что ты права, хотя более идиотское предположение сделать трудно. Но Алешка?! Меня еще Олег теоретически мог бросить, но сына никогда.

Я растерянно молчала, а что можно было сказать?

Через месяц мне позвонила Нинка Расторгуева и затарахтела:

– Говорила же, что Олег от Ленки уйдет!

– Заткнись, – буркнула я, – нашла повод для радости. Скорей всего, Олежки нет в живых.

– Да не волнуйся, в порядке он, – хихикнула Нинка.

– Ты что-то знаешь? – встрепелась я. – А ну выкладывай, живо!

– Его машина стоит на углу Рыльской улицы, возле банка! – радостно выкрикнула она.

– Откуда знаешь? – закричала я, вскакивая.

– Не ори, – окрысилась Нина, – сама видела, пошла себе ботиночки присмотреть, шлялась по центру, гляжу, его тачка стоит!

– Ты не перепутала?

– Нет, конечно! Во-первых, номер совпадает, а во-вторых, у Олега на ветровом стекле наклейка красуется: «Дом моделей Гарика Сизова».

– И ты не подождала его?

– Кого, Гарика?

– Нет, Олега!!!

– А зачем, – нагло ответила она, – ясное дело, Олежка от жены слинял, они и без меня разберутся.

Проклиная вредную Расторгуеву, я, не сказав никому ни слова, рванула в центр Москвы. Часы показывали десять вечера. Разум говорил, что, скорей всего, Олег давным-давно уехал, но сердце надеялось: а вдруг?.. Я чуть не умерла от радости, когда, повернув на Рыльскую улицу, увидела несколько машин. Одна из них принадлежала Олегу. Но через пару секунд радость сменилась растерянностью. Автомобиль выглядел заброшенным – у него были отломаны боковые зеркала и щетки, а сам он забрызган грязью почти до самой крыши. Прошлой зимой стояла теплая погода, мело только в декабре, потом весь январь лил дождь.

Чуть не плача, я понеслась к Александру Михайловичу и, наверное, впервые в жизни устроила истерику с хохотом и слезами. Дегтярев стал названивать приятелям в ГИБДД и районные отделения милиции. Через день мы знали правду.

Глава 2

Оказалось, что машина Олега простояла на Рыльской улице месяц. Когда открыли двери, на заднем сиденье лежали красиво упакованные подарки, которые он вез нам, в Ложкино. Я только судорожно вздыхала, глядя, как милиционер осторожно разворачивает блестящую бумагу, заботливо украшенную бантиками и веселыми открытками. Я уже упоминала, что Олег всегда хорошо зарабатывал, он и подарки для нас приготовил с любовью. Для Аркашки была припасена бутылочка дорогого виски, Зайке предназначалась невероятной красоты собачка, Машке – библиографическая редкость: анатомический атлас животных, выпущенный в XVIII веке, Дегтярев нашел бы под елкой трубку и пачку табака. Меня ожидала картина, изображавшая мисс Марпл, – Олег всегда подсмеивался над моей страстью к детективам. Гладышев не забыл никого. Отдельно лежали игрушки для моих внуков, ночная сорочка для кухарки Катерины, элегантный шелковый платок для домработницы Ирки, перчатки для садовника Ивана. Но окончательно добил меня самый последний пакет, в нем лежали кости, купленные всем нашим собакам, искусственные мыши, которыми Олег хотел порадовать кошек, зерновая смесь для хомячков и крысы Фимы... Была даже банка мотыля, которого обожает наша жаба. Увидав плоскую железную коробочку, на крышке которой красова-

лось изображение улыбающейся лягушки, я вновь потеряла самообладание и закатила истерику.

Сразу же выяснилось кое-что интересное. Во-первых, один из охранников бутика, расположенного напротив банка, сказал, что уже давно видел «Жигули» на этом месте. Более того, парень, решив проявить бдительность, сообщил в местное отделение милиции о том, что у дверей деньгохранилища припаркована бесхозная машина. Секьюрити поблагодарили и... никаких мер не приняли. Оставалось удивляться, отчего не насторожилась охрана банка, но, когда сотрудников местной службы безопасности допросили, они, не смущаясь, заявили:

– У нас своя стоянка, а на улице полно всяких машин кантуется, тут центр, кругом магазины, кафе... Мы что, должны на все автомобили кидаться? Да и прав таких у нас нет. Вот кабы на нашей парковке кто тачку забыл, мигом бы шум подняли.

Когда Дегтярев услышал все это, шея у него стала пунцовой. Ведь мимо «Жигулей», объявленных в розыск, ежедневно проходили сотрудники правоохранительных органов, и ни одному из них не пришло в голову поинтересоваться, отчего тут, в центре Москвы, зарастает грязью автомобиль. Спешу напомнить вам, что крохотная Рыльская улица находится в двух шагах от широко известного дома номер тридцать восемь на Петровке.

– Никому ни до чего нет дела, – рычал Александр Михай-

ЛОВИЧ.

В машине была сделана еще одна находка. На полу, возле педалей управления, валялись часы Олега. Календарь показывал тридцать первое число, маленькая стрелка замерла на цифре три, большая на двенадцати.

Страшно злой Дегтярев заставил своих коллег шевелиться. Было опрошено огромное количество народа. Рыльская улица небольшая, заставлена в основном доходными домами, построенными в начале XX века. Но сейчас на их первых этажах пооткрывались всякие торговые точки. Их оказалось более двадцати, однако никто из сотрудников не мог ничего сказать «по факту нахождения машины». Большинство, проносясь по улице к своему месту работы, просто не смотрело по сторонам. Олега никто не видел, а если и наткнулся глазами, то мгновенно забыл, что и неудивительно: ничего особенного во внешности Гладышева не было, просто хорошо одетый мужчина средних лет. Вот носи он на голове синий ирокез или выйди из автомобиля в шотландском килте, может, и задержал бы кто-то на нем свой взор. Хотя в наше время народ ничем не удивишь.

И вновь пришлось признать: человек исчез в центре бурного города без всякого следа, испарился, словно капля воды на горячей сковородке. Не удалось даже узнать, что он вообще делал на Рыльской улице. Гарик Сизов сказал, что отпустил своих служащих в час дня, все-таки Новый год. Народ выпил по бокалу шампанского и разбежался. Потом кутю-

рье поднапрягся и вспомнил, что Олег отказался пить «Вдову Клико», сказав:

– Мне надо за город ехать, друзей поздравить.

Следствие зашло в тупик, Дегтярев, любивший Олега, ходил мрачнее тучи, а для нас с Ленкой наступил новый виток развития событий, мы кинулись к гадалкам и экстрасенсам. Знакомые специалисты этого профиля оказались почти у всех приятелей, и каждый говорил: «О, это такая женщина! Мигом все увидит!» или «Только к этому дядьке, он просто уникальный специалист».

Может, так оно и было, но нам колдуны, биоэнергетики и ясновидящие не помогли. Мнения их оказались диаметрально противоположными. Одни, глядя на фото, сообщали: «Жив! Вернется через два года». А на наш вопрос: «Где он сейчас?», как правило, следовал маловразумительный ответ, что-то вроде: «Из-за большой концентрации энергетических сгустков не представляется возможным выделить ментальную сущность».

Одна бабка заявила, что Гладышев в Колумбии, другая посоветовала съездить на 175-й километр Минского шоссе.

– Увидите там избу, – вещала она, – в ней он, на кровати, без ума и сознания.

Естественно, мы помчались по указанному адресу, обнаружили, что со 150-го по 180-й километр магистрали тянется довольно густой лес, без всяких признаков жилья, и совершенно разбитые вернулись домой.

Потом мы еще многократно мотались в область, потому что другая половина «видевших сквозь стены» твердо уверяла: «Он погиб».

И называла четкий адрес могилы. Ну, допустим: деревня Скопино, за околицей у мусорной кучи, отсчитать семь шагов на запад, десять на север, копать на глубину метра.

Мы с Ленкой, как две дуры, прихватив саперные лопатки, ехали на поиски захоронения. Дальше начинался самый настоящий ужас. Мы находили нужные населенные пункты, шли за околицу, видели помойки, отмеряли шаги, рылись в тяжелой земле, хорошо хоть зима оказалась слякотной, и... всегда что-нибудь находили: полуразложившуюся кошку, собаку, козу... Для меня до сих пор остается тайной: может, экстрасенсы и впрямь что-то видят, просто не до конца! Ведь мертвые тела присутствовали в указанных точках. Или они просто дурят людям голову, а найденные умершие животные тут ни при чем. Совпадение? Полгода мы ездили туда-сюда, потом настал июнь, и Ленка сказала:

– Все. Он мертв, теперь ясно, что никогда не вернется. Я больше никуда не поеду.

Честно говоря, мой энтузиазм тоже иссяк, и поиски мы прекратили.

У Ленки, естественно, начались финансовые затруднения, нет, в журнале платили хорошие деньги, но она не привыкла считать расходы, жизнь с Олегом ее все-таки избаловала. Пару раз я пыталась всучить Гладышевой деньги, но она

с улыбкой заявляла: «Нам вполне хватает».

Но беда редко приходит одна. В июле очередные жильцы, снимавшие гладышевскую дачу, напились и устроили пожар. Выгорело несколько домов, Ленка лишилась еще одного источника дохода и стала распродавать свои побрякушки, о чем мне не преминула сообщить с плохо скрываемым злорадством Нинка Расторгуева.

Я вновь попыталась сунуть Ленке денег и опять наткнулась на категорическое нежелание их принимать. Потом ее жизнь потихоньку стала налаживаться. Алешке она наняла няню и начала мотаться по командировкам, зарабатывала на жизнь. Об Олеге Ленка больше не заговаривала, казалось, она забывала мужа. Во всяком случае, пятнадцатого октября, когда мы отмечали ее день рождения, Нинка сказала мне:

– Вот и все, похоронен Олег прочно, скоро наша вдова замуж выскочит. Глянь, как отплясывает!

Я посмотрела на раскрасневшуюся Лену, танцевавшую с Дегтяревым, и промолчала. Расторгуевой бесполезно что-либо объяснять, Нинку всегда переполняет злоба. Но я-то знаю, что Ленка до сих пор надеется на встречу с Олегом. Дня за два до праздника она с тоской сказала мне:

– Уж лучше бы точно знать, что его убили, увидеть тело, оплакать, похоронить, а потом ходить на могилу. Хуже всего – неизвестность. Все кажется: а вдруг сейчас вернется, откроет дверь... Иногда я даже ночью просыпаюсь оттого, что слышу, как ключ в замке поворачивается...

Я только вздохнула, не приведи господь самой испытать такое! Хотя все мои бывшие мужья вроде живы, только о последнем, Генке, укатившем в Америку много лет назад, ничего не известно. Но мне, честно говоря, не слишком интересно, что с ним. Любовь прошла давным-давно.

Больше мы с Ленкой об Олеге не разговаривали, и вот теперь кто-то подложил ей в почтовый ящик двадцать тысяч баксов и записку, якобы написанную пропавшим мужем. А поскольку я неоднократно пыталась всучить Ленке деньги, она и решила, что сия идея пришла мне в голову.

В столовой Ленка села в огромное кожаное кресло и заклацала зубами.

– Лучше ляг на диван, – велела я.

Она молча повиновалась, я завалила ее пледами, налила рюмку коньяка, сбегала на кухню, велела Катерине быстро сделать что-нибудь горячее и вернулась в комнату.

Очевидно, спиртное подействовало, потому что Ленка слегка порозовела и сбросила пледы. Я села возле нее и голосом, которым хорошая медсестра разговаривает с больным, спросила:

– Ленуля, может, вспомнишь, как обнаружила эти деньги?

– Сначала мне понадобился хлеб, – машинально ответила она.

– И что?

– Спустилась вниз, увидела что-то в ящике.

– Ну?

– Открыла.

– И?

– Все! Решила сначала, что это рекламный буклет.

Приступ злости начался у Елены дома, когда она, увидев деньги и распечатанные на принтере строки, решила, что автор затеи – я.

Несмотря на то что за окнами была ледяная февральская ночь, она вылетела из дома и понеслась в Ложкино. Больше всего ей хотелось швырнуть мне в лицо баксы и сказать все, что про меня думает.

– Ну как тебе могло прийти в голову, что это я? – изумилась я. – Хорошего же ты обо мне мнения!

– А кто еще? – прищурилась Лена.

– Ну... Расторгуева, к примеру, она тебя терпеть не может!

Подруга мрачно усмехнулась:

– Знаю. Нинка раз в неделю обязательно звонит и самым сладким голосом интересуется: «Ну как? По-прежнему никаких известий об Олежке? Ой, какое горе!» Небось боится, что я успокоюсь, смирюсь, вот и сыплет соль на рану.

Я уставилась в окно. Да уж, если постоянно напоминать, раны долго не зарубцуются.

– И потом, – продолжила Ленка, – Нинка жадная, за копейку удавится. Ей двадцать тысяч баксов ни за что не отдать, никогда. А вот ты – другое дело. Извини, но из моих друзей только мадам Васильева способна на такой поступок.

Конечно, я понимаю, что ты хотела мне помочь, но в какой форме! Запомни, я не нищая, в подачках не нуждаюсь. И потом, просто жестоко делать вид, будто Олег жив. Ну как ты могла!

– Ей-богу, это не я! Хочешь, поклянусь своим здоровьем!

– Ну, допустим, я поверю тебе, – тихо ответила Лена, – на минуточку предположим. Тогда что же, а? Олечка на самом деле жив?

В ее глазах начал загораться огонек надежды. Я испугалась. Она только-только наладила свою жизнь, слегка успокоилась, ей не нужны стрессы.

– Извини, но я почти стопроцентно уверена, что Олег мертв!

– Тогда кто автор затеи? И почему мне прислали такую прорву денег?

– Вот это вопрос, – пробормотала я, – у тебя враги есть?

Гладышева пожала плечами:

– Смертельных нет. Так, завидует кое-кто, Расторгуева опять же... Но это мелко. И потом, такая сумма – это не какие-то копейки.

Внезапно она затряслась:

– Боюсь, господи, как я боюсь!

– Чего?

– Вдруг этот человек и дальше будет меня разыгрывать!

Ужасно.

Я принялась заплетать из бахромы пледа косички, Лен-

ка тихо рыдала. Внезапно мне в голову пришла гениальная мысль, и я схватила ее за плечо.

– Не плачь! Хочешь, найду мерзавца или мерзавку, и мы вдвоем оттаскаем их за волосы?

– И как ты отыщешь? – шмыгнула носом Ленка.

– Очень просто. У вас в подъезде сидит лифтерша?!

– Да, баба Клава.

– Вот! Она должна была видеть, кто подходил к ящикам.

– Действительно, – пробормотала Ленка, – баба Клава такая въедливая, она до пенсии в тюрьме служила, сама знаешь, какой у нас теперь порядок в подъезде. И как я не додумалась ее расспросить!

– Отлично, сейчас ляжем спать, а завтра с утра едем к тебе, – ликовала я.

Ленка покачала головой:

– Чего тебе мотаться, сама поговорю.

– Нет, – начала я, но в ту же секунду раздался звонок в дверь.

– К вам гости? – напряглась Ленка.

– Нет, сиди спокойно. Зайка с Аркадием вернулись из города, но давай не будем им ничего рассказывать, – ответила я и пошла в прихожую.

Часы показывали двадцать три ноль-ноль, наша прислуга в это время давно спит.

Глава 3

У меня есть нехорошая привычка распахивать входную дверь, не поглядев на экран видеодомофона. Слабым оправданием такого беспечного поведения может служить тот факт, что наш дом стоит в хорошо охраняемом коттеджном поселке. На въезде, у шлагбаума, дежурят секьюрити, вся территория окружена забором, на нем установлены видеокамеры, беззвучно поворачивающиеся вслед за движущимся объектом. А ровно в десять вечера выпускают собак, несколько ротвейлеров, которые разгуливают по территории всю ночь в любую погоду, не замечая ни снега, ни дождя, ни жары.

У нас у самих в доме живет представитель этой породы, но Снап и охранные псы не похожи, как день и ночь. Снапик со всех лап несется к знакомым и незнакомым людям и тут же начинает тыкаться в них большой мордой и пачкать одежду слюнями. От привычки ставить в порыве восторга свои передние лапищи всем на плечи нам с трудом удалось его отучить. Лично я до того момента, как Снапу категорически запретили бросаться на людей с поцелуями, вползала в дом, аки тать, боясь, что ротвейлер, а со слухом у него полный порядок, услышит скрип двери. Если с лестницы, ведущей на второй этаж, доносился бодрый цокот его когтей, я мигом, побросав сумки и пакеты, садилась на пол. Дело в том,

что шестидесятикилограммовый Снап легко сбивал меня с ног, и я, говоря языком милицейских протоколов, «совершила падение с высоты собственного роста». Правда, сейчас Снап просто нарезает круги вокруг входящих, скуля от счастья. Его никто не боится, впрочем, всех остальных наших собак тоже.

Охранные псы другие, я прохожу мимо них на подламывающих ногах, лицемерно сюсюкая:

– Хорошие мальчики, добрые, не тронут тетю...

Ротвейлеры и ухом не ведут, словно мимо них прошмыгнула тень. Кстати, на многочисленных домашних животных, живущих в поселке, они не обращают никакого внимания, просто отворачиваются, если какая-нибудь болонка или киска начинает прохаживаться перед самым их носом. Своим инструкторам эти собаки повинуются беспрекословно. Для меня остается загадкой: каким образом можно так вымуштровывать животных и как они отличают жильцов поселка от посторонних? Неужели знают нас всех в лицо? Только раз одна из этих собак выказала «человеческие» чувства. Примерно год назад Машка заметила, что самый крупный ротвейлер довольно сильно хромает, и сказала об этом инструктору. Тот ответил:

– Знаю, но доктор приедет только в субботу.

Маня мигом сообщила, что уже несколько лет ходит в кружок при Ветеринарной академии, и предложила:

– Если подержите его, посмотрю, в чем дело.

– Сюда, Джон, – велел хозяин, – это доктор, дай лапу.

Ротвейлер протянул травмированную конечность. Марусяка увидела большую занозу, сбегала домой за инструментами и лекарствами. Все время, пока она обрабатывала подушечку, Джон сидел, словно изваяние, не издавая ни звука, но после завершения процедуры вежливо лизнул Маню. С тех пор, завидя мою дочь, он останавливается, пару секунд смотрит на нее, делает какое-то странное движение задней частью тела, мотает головой и уходит...

Я раскрыла дверь, ожидая увидеть Кешу и Зайку, но на пороге маячила огромная фигура. Рост, как у моего сына, примерно метр девяносто пять, зато объем! На всякий случай я отступила назад и, нашаривая рукой зонтик, дрожащим голосом осведомилась:

– Э... очень приятно, рада встрече. Вы к кому?

– Не узнала, Дашутка? – пророкотал дядька густым басом. – Здорово же я изменился!

Я перевела дыхание, увидела у него в руке пухлый чемодан и оставила попытку найти зонтик. Слава богу, это не грабитель и не сексуальный маньяк, а кто-то из приятелей. Только вот кто?

– Простите, – заулыбалась я, – никак не припомню, где мы встречались...

– В постели, – без тени улыбки ответил дядька, – я твой муж, бывший.

– Который? – ошарашенно спросила я, пытаюсь разглядеть

его лицо.

Как назло, сегодня перегорела лампа, освещающая вход в дом.

– Насколько припоминаю, четвертый, – хмыкнул незванный гость.

– Генка! – ахнула я и, споткнувшись о ковер, чуть не упала. – Ты откуда?

– Из Америки, – фыркнул бывший супруг, – из города Юм, штат Пенсильвания. Такпустишь меня или на пороге беседовать станем?

– Входи, конечно, – засуетилась я.

– Нас двое, – предостерег Генка.

– Ты с женой приехал? С Ренатой? – Сказав последнюю фразу, я осеклась.

Ну надо же сморозить такую глупость! Женщина, на которой Генка женился после развода со мной, давно умерла. Это она настояла на выезде в Америку, и это у нее в тот момент имелась крошечная дочка Машенька, грудной младенец. Генка упросил меня временно взять девочку к себе.

– Ну будь человеком, – ныл он, – сама понимаешь, с новорожденной в эмиграции по первости тяжело. Вот устроимся и заберем.

Я дрогнула, и Рената с Геной привезли кулек с Машкой. Девочку мне отдали просто так, без всяких документов. Отчего Рената не подумала про бумаги, мне до сих пор непонятно, а сама я просто позабыла спросить про свидетельство

о рождении. Правда, мне оставили телефон бабушки, матери Ренаты, но Генкина жена предупредила: «Ей звони только в крайнем случае, у нас полная нестыковка во взглядах». На мой робкий вопрос: «А кто отец ребенка?» – последовал категоричный ответ: «Малышку нашли в капусте, я мать-одиночка».

Мне показалось неэтичным продолжать расспросы, и молодожены отправились за океан, покорять страну статуи Свободы. Долгое время от них не было ни слуху ни духу. Маня села, потом пошла, заговорила и совершенно не сомневалась в том, что является моей дочерью. Затем из Пенсильвании пришло письмо, даже нет, просто цидулька, пара строк. Генка без всяких подробностей написал буквально следующее: Рената заболела и умерла, он остался вдовцом, Маша ему без надобности, я могу оставить девочку себе.

Поняв, что стала обладательницей как бы несуществующего ребенка, я позвонила матери Ренаты. Суровый мужской голос сообщил: «Более не обращайтесь сюда, она умерла».

– Но девочка, Маша, – заблелая я, – мне нужно ее свидетельство о рождении.

– Знать ничего не знаю, – отрезал грубиян.

Несколько месяцев я ломала голову, как поступить, Маньку нельзя было записать в детскую поликлинику, не взяли бы ее и в детский сад, а потом и в школу. В конце концов Александр Михайлович потер затылок и сказал:

– Не дергайся.

Спустя неделю приятель принес мне зелененькую книжечку, я раскрыла ее и обомлела. Воронцова Мария Константиновна. Дегтярев, недолго мучаясь, сделал из Аркадия и Маруськи родных брата и сестру. Что сказал мой первый муж Костик, узнав о том, что обзавелся еще и дочерью, лучше не повторять, хорошо хоть он не понесся с заявлением в милицию. Правда, для того чтобы избежать громкого скандала, пришлось отказаться от алиментов на Аркадия. Но я не слишком расстроилась. Жадность родилась раньше Костики, и он очень неохотно выделял на нужды мальчика копейки.

Больше о Генке я ничего не слышала. Некоторое время назад к нам, в Ложкино, приехала Капитолина, американка российского разлива, нынешняя жена Гены. Историю, связанную с ее прибытием, я уже один раз рассказывала и повторять вновь не хочу.¹

После возвращения Капитолины в Юм мы примерно полгода переписывались, но потом обмен письмами тихо сошел на нет. И вот теперь Генка заявился собственной персоной.

– Ты с Капитолиной! – обрадовалась я. – Входите скорей.

Гена молча шагнул в холл, и я опять поразилась – каким он стал толстым, просто человек-гора. Следом за ним метнулась тень. Я хотела было воскликнуть: «Сколько лет, сколько зим!» – и обнять Капитолину, но осеклась.

У шкафа с саквояжем в руках стояла не она. Это вооб-

¹ См. роман Дарьи Донцовой «Контрольный поцелуй», изд-во «Эксмо».

ще была не женщина, а худенький подросток, одетый самым нелепым образом для московского вьюжного февраля. На юноше были джинсы и ярко-красная куртка из плащовки, а на ногах – непропорционально огромные, жуткие кроссовки, белые с черным, на рифленой подошве.

– Я развелся с Капитолиной, – спокойно пояснил Гена, снимая пальто, – уже давно, теперь снова холостяк. Знакомься, это мой приятель Генри.

В ту же секунду парень сдернул с головы бейсболку и на отличном русском языке произнес:

– Добрый вечер, сударыня. Рад знакомству, разрешите представиться. Генри Малкович, орнитолог.

Я уставилась на абсолютно седые кудри, упавшие на его плечи из-под дурацкой кепки. Этому типу оказалось лет шестьдесят, не меньше.

– Э-э, – забормотала я, – очень приятно, просто здорово, прямо до зубовного скрежета радуется, что вижу тебя, Гена, и твоего э-э... друга.

– Надеюсь, ты не приняла нас за «голубых», – фыркнул бывший муженек, – мы с Генри коллеги, у нас дела в Москве.

– Коллеги? – изумилась я. – Ты, насколько помню, был детским врачом, а Генри орнитолог, птичек изучает, или я не расслышала?

Генка тяжело вздохнул:

– Со слухом у тебя порядок. Генри – владелец университета, я у него преподаю на медицинском факультете. Мо-

жет, сначала напоишь нас чаем, а уж потом допрашивать станешь?

Я вспомнила о долге хозяйки и забегала между кухней и столовой. Наконец хлопоты завершились. Вещи были отнесены в комнаты для гостей, на столе появились коньяк, сыр, лимоны, кулебяка с мясом. Маня, Дегтярев и все остальные сели к столу, я взяла в руки заварной чайник... И тут ввалились Зайка с Аркадием. Супруги выглядели хмурыми, очевидно, опять успели поругаться. Мой сын постоянно выясняет отношения с женой, вернее, это Ольга беспрестанно лезет на рожон. Не далее как вчера она чуть не убила Кешу, имевшего глупость, сидя в своей машине, ткнуть пальцем в проходившую мимо девушку и заявить: «Зая, глянь, какая шубка! Давай купим, тебе пойдет!»

Не дав ему договорить, Ольга налетела на муженька с воплем:

– Вечно ты на всяких дур засматриваешься.

Похоже, и сегодня произошло нечто подобное, потому что Зайка с надутым лицом оглядела столовую и заявила:

– Здрасьте! У нас опять гости! Не передать словами, как я рада!

Чтобы она не продолжала хамить, я мигом заулыбалась:

– Заинька, ты не знакома с Генкой, а Кеша его хорошо знает.

– Привет, – буркнул Аркадий и, сев за стол, спросил: – Нормальная еда есть?

– Ты не узнал Гену? – продолжала я попытки поддержать светскую беседу. – Это же...

– Узнал, – весьма невежливо рявкнул Аркадий, – папочка номер четыре. Кстати, почему коньяк на столе? Насколько я помню, вы, Геннадий, алкоголик?

Повисло молчание. Чтобы разрядить обстановку, я глупо захихикала и попыталась исправить положение:

– Скажешь тоже, алкоголик! Гена просто любит немного выпить.

– Алкоголик, – отрезал сын, – и расстались вы после того, как он сначала в течение года беспробудно квасил, вытаскивая из нашего дома все, что плохо лежит, а потом избил тебя. Неужели забыла?

Я тяжело вздохнула. Было дело. Тихий, интеллигентный Гена делался абсолютно невменяемым, приняв стакан водки. Сначала я, как все жены алкашей, была полна энтузиазма. Конечно, я его вылечу! Ради любви ко мне Генка обещал бросить пить. Он хороший доктор, вот зашьется, и заживем...

Черта с два! В наркологический диспансер супруг идти категорически отказался.

– Я не алкоголик, – ревел он, жадно глотая утром сырую воду, – захочу и сам брошу пить.

Но, видимо, одного хотения мало. Генку выгнали с работы, он осел дома и вошел в глубокий запой. Он действительно тащил из нашего небогатого дома вещи и пропивал их.

И вот однажды, не найдя ничего подходящего, он схватил мой кошелек, где лежала последняя трешка. Я решила не отдавать портмоне, завязалась драка. В результате боевых действий я оказалась на полу с подбитым глазом. Кинувшийся мне на помощь Кешка был легко отброшен в сторону. Довольно ухмыляясь, Генка сунул купюру в карман и сказал:

– Ну что, поняли, кто тут хозяин?

С этими словами он исчез за дверью. Я посмотрела на сына, увидела, что по его бледному лицу катятся злые слезы, и приняла решение: все, финита ля комедия. Может, кто и способен перевоспитать алкоголика, но мне слабо. К тому же никакой жертвенности в моем характере нет, унижение я переношу с трудом и не хочу тратить свою жизнь на пьяного идиота.

Когда поздно вечером Геннадий явился домой, его ждал сюрприз: плотно запертая дверь и сумка с вещами у порога. Я собрала все – не забыла ни бритву, ни тапочки. Возмущенный Гена начал ломиться в дом, но он шумел совершенно напрасно. Мы с Кешей, закрыв квартиру, уехали на ночь к Когтевым. Мужик колотил в створку ногами до тех пор, пока не явилась вызванная соседями милиция и не загребла его в обезьянник. А поскольку Генка был прописан у матери, он получил пятнадцать суток, которые отработывал на заводе, насыпая совочком стиральный порошок в коробки. Так что расстались мы врагами. Но это было давным-давно. Я честно вытеснила из памяти все неприятные моменты и сохранила

лишь хорошие воспоминания, простив Генку. Откровенно говоря, я полагала, что и Аркадий забыл про драку. Ан нет, сын оказался более злопамятным.

– Я не пью, – улыбнулся Гена, – очень давно. Вылечился и забыл.

– Все равно бутылочку уберу и бар запру, – бесцеремонно заявил Аркадий, хватая коньяк. – Что же касается картин и дорогих побрякушек, коими нашпигован наш дом, то прошу учесть – имущество застраховано. Лучше даже не пытайтесь вынести что-то ценное в скупку, нарвешься на большие неприятности! Окажешься в своей Америке лет через семь, не раньше.

С этими словами он встал и вышел. Зайка уставилась круглыми глазами на Генку. Моя невестка способна пилить Кешу часами, методично и упорно. В каждой женщине сидит педагог, но стоит Зайке сообразить, что кто-то посмел задеть ее муженька, как все мигом меняется. Обидчик Аркадия не проживет и пяти минут, столкнувшись с ней. Не испытывая никаких угрызений совести, она включит третью передачу и переедет любого, кто, по ее мнению, оскорбил Кешу.

– Так вы, Гена, – протянула Ольга, – тот самый? Дебошир и пьяница? Очень мило! Располагайтесь, как у себя дома. А отчего к нам? В Москве гостиниц полно! Или вы все денюжки пропили? Так попросите у Дашки, она у нас бесхарактерная, подаст вам на бедность.

Резко повернувшись на каблуках, Заинька исчезла. Из ко-

ридора донесся ее высокий голос:

– Котик, подожди меня, дорогой!

Я растерянно оглядела присутствующих. Вот уж не ожидала от своих такого поведения! Но впереди меня ждало еще большее потрясение. Маня, упорно молчавшая до сих пор, неожиданно встала и потянула за рукав Дегтярева:

– Папа, пошли! У меня задачка по алгебре не сходится!

Александр Михайлович опустил вилку и уставился на нее, открыв рот. Я хорошо понимала его удивление. Маруська всегда зовет моего ближайшего приятеля «дядя Саша», а когда злится на него, величает полковником. Да и с чего бы ей звать его папой? Дегтярев никогда не был моим мужем, скорей уж мы брат с сестрой, чем супруги. Хотя если поразмыслить, то Александр Михайлович всегда вел себя по отношению к Машке как отец. Он ее любит, беззастенчиво балует и прощает ей то, что не простил бы никому другому.

– Ты, – начал было приятель, но, очевидно, получил от Марушки пинок под столом, потому что сразу сменил тон, – ладно, пошли, решим задачку.

Глядя, как парочка шествует к двери, я прикусила губу. Лысый, толстенький, коротконогий Дегтярев и высокая блондинка с роскошными волосами, в которую нежданно-негаданно превратилась Маня, выглядели весьма комично. К тому же у Маруси по математике никогда не было даже четверок, сплошные «отлично», а Дегтярев не умеет сложить семь и восемь. Так что кто кому должен объяснять алгебру,

понятно сразу.

– Это твой муж? – удивился Генка.

Я на секунду замялась.

– Ага, – неожиданно влезла Ленка, – гражданский. Всю жизнь живут, никак не распишутся. Богатый человек, однако. Тут все его: дом, машины, вещи...

Я потеряла дар речи. Ну ладно Аркашка, он зол на Генку с давних пор. Понятна и реакция Зайки, она решила отомстить тому, кто обижал в детстве ее мужа. Маня захотела уесть отчима, постаравшегося избавиться в свое время от ненужного ребенка... Но Ленка-то чего лезет?

– Ой, у вас собачки, – решил сменить тему Генка, – вон тот, толстенький, такой милашка! На моего Коломбо похож, у меня бульдог. Эй, иди сюда, на кусочек сыра!

Мопс Хуч, который сел около стола сразу, как только пришли гости, лениво поднял морду и, собрав на лбу складки, уставился на Генку.

– Ну, давай, торопись, – улыбался тот, – неужели тебе сыр не нравится? Да быть того не может!

Вот тут он не ошибался. Больше всего на свете Хуч обожает сыр и в любое другое время мигом бы оказался возле человека, протягивающего лакомство. Но сегодня Хучик не торопился. Он медленно встал, потянулся, протяжно зевнул и... вышел за дверь. Генка положил отломанный кусок на тарелку. Я вконец обалдела. Да, приходится признать, мой бывший муж никому не пришелся по вкусу.

Глава 4

Утром мы с Ленкой поехали к ней домой. Живет она в высокой блочной башне, стоящей на шумной магистрали. Двора у дома нет, дверь подъезда выходит прямо на тротуар, по которому беспрестанно течет поток гомонящих людей. Сами понимаете, что пешеходы использовали подъезд как общественный туалет. Бедные жильцы пытались бороться с этой бедой. Ставили кодовый замок, домофон, железную дверь. Ничто не помогало. Замки ломали, домофон портили, а стальную дверь ухитрились сорвать с петель. Но потом на первый этаж въехала новая жиличка, баба Клава, и воцарился долгожданный порядок. Уж не знаю, правда ли, что она работала конвоиром в тюрьме, но эта пожилая дама с выкрашенными в желто-соломенный цвет волосами навела ужас на всю округу.

Сначала она велела превратить довольно просторное помещение подъезда в некое подобие накопителя перед входом на зону, а потом стала на вахту. Для тех, кто никогда не бывал в местах не столь отдаленных, поясню. Накопитель – это такое узкое пространство между двумя железными решетками. На первой, как правило, висит табличка «Больше двух не входить». Вы жмете на звонок, лязгает автоматический замок, и дверь открывается. Но не успеваете вы войти внутрь, как она с ужасающим грохотом захлопывается, и вы ощуща-

ете себя мышью, попавшей в узкую клетку. Впереди запертая решетка, сзади тоже, а сбоку, за железными прутьями, сидит женщина, полноватая блондинка с «химией». Голосом, лишенным всяких эмоций, дежурная требует документы.

И вас начинает бить озноб. Теперь представляете, как выглядит подъезд дома, в котором живет Ленка? Будучи пенсионеркой, баба Клава весь день проводит на посту, за что получает от жильцов зарплату. Старуха надежна, как швейцарский банк. Ей оставляют ключи от квартир, просят, уезжая в отпуск, поливать цветы или кормить кошку. Баба Клава тщательно выполняет все поручения. Есть у нее еще одна особенность – фотографическая память. Увидев человека один раз, она больше никогда не забудет его лица. Сами понимаете, что мимо такой лифтерши не то что мышь, таракан не проскочит незамеченным.

– Здравствуйте, Лена, – кивнула баба Клава, – и вам, Дарья Ивановна, добрый день.

Вот еще одна непостижимая вещь: ну каким образом она ухитрилась запомнить мое имя?.. Я совсем не часто бываю у Лены.

– Скажите, Клавдия Петровна, – улыбнулась я, – не помните случайно, кто вчера положил в почтовый ящик Гладышевой пакет?

Старуха прищурила выпуклые глаза.

– Помню, конечно.

– Кто? – в один голос закричали мы с Ленкой.

– Так почтальон.

– Какой?

– Обычный, одна она у нас, который год ходит, и не упомяну, Соня, татарка.

– Вы точно знаете? – решила уточнить я.

– Естественно, – хмыкнула старуха, – больше некому по ящикам шарить.

– Может, кто посторонний прошел...

Баба Клава вздохнула:

– Дарья Ивановна, мне с этого места всю площадку видать, а ящики вот они, рукой подать. Когда кто к ним подходит, всегда гляжу, чтобы чужой не открыл по случайности. И за почтальоншей приглядываю, хоть она и работает давно, да всяко бывает. Сейчас журналы дорогие, не доложит кому, скандал начнется. Нет, я все записываю. Все как в аптеке, полный учет.

– Ну еще другие люди приходят, – не успокаиваюсь я, – с бесплатными изданиями. Газеты приносят, каталоги всякие, рекламу.

– Я таких внутрь не пускаю, – скривилась лифтерша. – Возьму стопку и сама разложу. Мне неприятности среди контингента не нужны. Эти, которые с бесплатными газетами шляются, люди непроверенные, бог знает чем живут! Может, по подъездам воруют.

Не успела она закончить фразу, как двери лифта распахнулись и из них вылетел мальчишка лет восьми с клюшкой

в руке. Баба Клава нахмурилась:

– Роман, ты куда?

– Так на пруд, в хоккей играть, – ответил паренек.

– Пропуск давай!

Я удивилась: какой такой пропуск?

– Нету, – тихо сообщил Роман, – мама забыла оставить.

– Иди домой, уроки делай, – спокойно ответила лифтерша. – Нет пропуска – нет выхода!

– Я уже все сделал.

– Тогда давай разрешение на прогулку.

– Мама забыла, она...

– Роман, – железным голосом заявила дежурная, – наш разговор бесполезен. Ступай домой. Единственное, что могу тебе посоветовать: позвони матери на работу, пусть она со мной соединится и отдаст устное разрешение выпустить тебя.

Паренек молча побрел в лифт. Его фигура была полна скорби, клюшку он волочил за собой. В полном обалдении я поинтересовалась:

– У вас имеются документы на выход?

Баба Клава без тени улыбки пояснила:

– Роман – двоечник и прогульщик. Отца нет, мать целыми днями на работе, а бабушка с ним не справляется, старая уже. Ляжет поспать, а внук на улицу убежит и дотемна собак по переулкам гоняет. Вот и придумали ему пропуск. Мать перед уходом на работу бумажку пишет и мне оставля-

ет. Только сегодня она предупредила, чтобы я его ни в коем случае не выпускала. Роман с утра в школу не пошел, большим сказался и должен уроки учить. Так-то!

Закончив речь, баба Клава поправила воротничок у блузки и добавила:

– Видела я, как Соня конверт в ящик впихивала, он туда с трудом влез, пухлый очень. Я еще подумала, что за странное письмо такое, без адреса и марок.

Зоркости и внимательности старухи мог позавидовать горный орел. Я повернулась к Ленке:

– Ты иди домой.

– Зачем?

– Лучше будет, если я пойду на почту одна.

– Ты так считаешь? Может, вместе?

– Нет-нет, эта Соня еще испугается. Подожди меня наверху, думаю, скоро вернусь.

– Ладно, – без энтузиазма ответила Ленка, – ты уж постарайся, расспроси ее как следует.

Я подождала, пока подруга войдет в лифт, и, узнав у бабы Клавды, где находится местное отделение связи, выбралась на улицу.

По тротуару текли потоки воды. По календарю февраль, стоит мороз, а под ногами отчего-то слякоть и лужи. Я осторожно пошла вдоль невысокого заборчика. Как у всех автомобилистов, у меня совершенно не приспособленные для пеших прогулок ботинки на тонкой скользкой подошве.

Но почта находится с обратной стороны Ленкиного дома, и ехать туда на машине просто смешно.

Внутри довольно просторного зала оказалось пусто: ни служащих, ни посетителей. Я постояла пару минут возле окошечка, потом крикнула:

– Есть тут кто живой?

– Во народ, – незамедлительно раздалось из глубины комнаты, – чего орать-то? Уж и подождать тихо не могут.

Я повернула голову вправо и увидела сухощавую женщину лет пятидесяти, с крайне недовольным выражением лица.

– И что у вас за спешка? – злилась служащая, подходя к окошку. – Пожар или умер кто? Тогда в другие места обращайтесь! Тут почта! Письма, газеты...

– Мне нужна Соня.

– Какая?

– Ну та, которая разносит корреспонденцию по домам, татарка.

– А-а, – протянула тетка, – о ней надо не здесь справляться.

– А где?

– В отделе доставки. Выйдите на улицу, соседняя дверь слева.

Выплюнув последнюю фразу, милое создание незамедлительно удалилось. Я выбралась наружу, увидела еще одну дверь, толкнула ее и очутилась точь-в-точь в таком же помещении, как и секунду назад. Здесь тоже не было ни народа,

ни служащих. Я помялась пару минут и крикнула:

– Кто-нибудь есть?

– Зачем же так орать, – раздалось справа.

Я опешила – ко мне шла та же тетка, что и секунду назад в другой комнате.

– Что надо? – весьма нелюбезно осведомилась она.

– Так Соню, почтальоншу.

– Она газеты разнесла и домой ушла, все, рабочий день окончен.

– Но сейчас только двенадцать часов!

– А она что, должна за копеечную зарплату тут сутками сидеть? – окрысилась тетка. – Сами небось тоже не на службе!

– Подскажите, пожалуйста, ее адрес.

– Правов не имею.

– Что? – не поняла я.

Баба уставилась на меня узкими злыми глазками и повторила:

– Правов таких не имею, адреса сотрудников всяким раздавать!

Захлопнув рот, она чеканным шагом двинулась внутрь помещения.

– Эй, подождите! – закричала я, но она даже не обернулась.

В полной растерянности я осталась у окошка.

– А зачем вам Соня? – прошелестел тихий голосок.

От неожиданности я подскочила:

– Господи, это кто спрашивает? Вы где прячетесь?

– Тут сию себе, – продолжил шепоток.

Я оглянулась и заметила у стены маленькую девушку размером с нашего мопса.

Хуч значительно толще, служащая походила скорей на сушеного кузнечика.

– Соню зачем ищите? – опять спросила она.

Я улыбнулась:

– Я живу в этом же доме. Сегодня утром Соня по ошибке сунула мне в ящик два журнала.

– Можете лишний у нас оставить.

– Нет, издание дорогое, хочу лично ей в руки отдать.

– Вольному воля, – философски вздохнул «кузнечик», – она тут рядом живет, через дом, блочная пятиэтажка такая, а внизу магазин «Лаванда», квартира один.

– Спасибо, – обрадовалась я и пошла к двери, но потом не утерпела и спросила: – Скажите, эти тети – близнецы?

– Кто? – изумилась служащая.

– Ну, сначала одна меня отправила из соседнего помещения в отдел доставки, а тут вторая, точь-в-точь такая же...

«Кузнечик» усмехнулся:

– Это Вера Игнатьевна, заведующая. Слава тебе господи, она в единственном экземпляре, даже представить страшно, что бы вышло, окажись ее двое, бррр! Ну и идея вам в голову пришла, не дай бог, еще ночью приснится такой ужас: две

Веры Игнатьевны.

– Почему же она мне сразу не объяснила, что Сони нет, а заставила идти в отдел доставки? – недоумевала я.

Девушка пожала тощими плечиками:

– Шут ее знает!

Глава 5

Я вышла на улицу и пошлепала вперед. Да уж, точно: не дай бог иметь такую бабищу над собой. Хотя мне тоже попадались разные начальники. Едва окончив институт, я устроилась на работу в бюро переводов, помните, раньше молодых специалистов обязывали отработать два года по распределению? Вот мне и досталась служба при Министерстве обороны. Особо там, правда, не напрягали, но в начальниках ходил майор Маркин, не знавший языков, но в полной мере овладевший военной выправкой.

Как-то раз я тосковала за письменным столом, проклиная злую судьбу, забросившую меня в это отвратительное заведение. Работы нет, а домой раньше шести не отпускают. По магазинам тоже не пробежишься, потому что нужно иметь пропуск на выход. Одним словом, жуть.

Но тут появился майор и заявил:

– Васильева, поедешь на дачу к нашему генералу. День рождения у него, гости ждут. Кино им привезли, будешь переводить с ангольского.

Я попыталась было объяснить чурбану в военной форме, что ангольского языка не существует, в Анголе говорят на португальском.

– Один шут, – отмахнулся солдафон, – собирайся живей.

– Но у меня французский и немецкий, другими языками

я не владею, – слабо сопротивлялась я.

Маркин покраснел:

– Васильева, шагом марш к машине. Больно умная, французский-немецкий... Велено перевести фильм, вот и действуй. Других никого нет, отставить разговорчики!

Сами понимаете, в каком настроении я прибыла на мероприятие. Меня провели в кабинку, дали в руки микрофон, в зале расселись гости. Я шумно вздохнула и решила: ну выгнать меня с позором, и что? Даже лучше, избавлюсь от противного Маркина.

Экран засветился, на нем появилось изображение степи. «Может, и обойдется, – подумала я, – португальский язык похож, правда, весьма отдаленно, на французский, кое-что я пойму, а остальное додумаю». Но не успела я успокоиться, как перед глазами возникла юрта, затем два всадника, начавших гортанный диалог, и до меня дошло, что лента на... монгольском языке. Очевидно, в нашем отделе барахлит телефон, или у Маркина в ушах два банана – у него попросили специалиста с монгольским языком.

И куда было деваться? Схватив микрофон, я понесла чушь:

– Здравствуй, батыр!

– Привет, друг!

– Зачем приехал?

Тут камера дала общий план, я увидела у юрты несколько женских фигур и в порыве вдохновения продолжила:

– Жениться хочу на твоей сестре.

– Заходи, договоримся.

Всадники рядом поскакали к юрте. Я обрадовалась. Неужели угадала и дело катит к свадьбе? На всякий случай добавила:

– Твоя сестрица красавица, я влюблен в нее...

Хотела было далее развить тему, но тут вдруг один из всадников резко взмахнул рукой, и откуда ни возьмись появилась целая армия людей на коротконогих конях. Началась битва, в разные стороны полетели отрубленные головы, полились реки крови. В полном ужасе уставившись на смертоубийство, я обреченно пробормотала:

– Не договорились о калыме за невесту, из-за этого и возникла великая битва.

От позора меня спасли два обстоятельства. Во-первых, генерал и его гости сильно поддали, и им, очевидно, было все равно, что показывают. А во-вторых, киномеханик, сержант лет сорока, засмеялся, и тут же сеанс прервался.

– Что случилось, Сергей? – спросил генерал.

– Ща, Петр Иванович, налажу! – крикнул механик. – Копию плохую прислали, пленка рвется, зараза.

Потом сержант повернулся ко мне и подмигнул:

– Значитца, так, главное, не тушуйся, Петр Иванович минут через пять заснет, он, когда на грудь примет, всегда ке-марит. Только он захрапит, остальные разбредутся, оно и правильно, смотреть эту нудятину невозможно, нет бы че-

го хорошего заказал, так подавай ему войну обязательно. На всякий случай запомни: ни о какой свадьбе тут и речи нет, сплошная драка. Тот, который в синем халате, – плохой, в красном – хороший.

И он снова включил аппарат. Очевидно, Сергей хорошо знал Петра Ивановича, потому что вышло, как он обещал. Спустя полтора часа генерала разбудили. Он открыл красные мутные глаза и спросил у меня:

– Тебе чего?

– Я переводчица, распишитесь, пожалуйста, в наряде.

– А, – протянул генерал, – давай, конечно, молодец, хорошо все объяснила, одно не понял, кто из них за красных, а кто за белых дрался!

– Тот, который в синем халате, самый главный белогвардеец, а в красном – наш, чапаевец, – нашлась я.

На следующий день Маркин, притормозив около моего стола, заявил:

– Молодец, Васильева. Петр Иванович очень тобой доволен остался, говорит, три раза до этого фильм смотрел и ничегошеньки не понял, а ты все отлично перетолковала. А ведь кривлялась: «Не знаю ангольский!» Теперь, если кто из Анголы приедет, только тебя отправлю.

С гордо поднятой головой Маркин удалился, а я осталась сидеть с раскрытым ртом. Все оставшиеся месяцы до увольнения я в ужасе вздрагивала, боясь, что меня и впрямь приставят к ангольцам, которые в те годы считались нашими

братьями по оружию.

Придя от этих воспоминаний в хорошее расположение духа, я дошла до уродливой пятиэтажки, обнаружила нужную квартиру и позвонила.

– Вам кого? – спросил детский голосок.

– Соню, почтальона.

– Баба, – завопил ребенок, громыхая замком, – к тебе тетенька пришла!

Дверь распахнулась, я увидела крохотную прихожую и маленькую черноглазую женщину, вытиравшую руки посудным полотенцем.

– Вы ко мне? – настороженно поинтересовалась она. – С претензией? Пропало что? Журнал сперли?

– Что вы, – приветливо улыбнулась я, – просто хочу кое-что узнать.

– Идите на кухню, – велела Соня.

Я втиснулась в пятиметровое пространство и подавила тяжелый вздох. Это сейчас у нас огромный, двухэтажный кирпичный особняк и домработница с кухаркой, но большая часть моей жизни прошла в Медведкове, как раз на такой кухне, где между холодильником и крошечным столиком оставалось место лишь для одной табуретки. Как только не пытались мы с бабушкой увеличить свое жизненное пространство! Сначала оттащили «ЗИЛ» в прихожую, но тогда стало негде повесить вешалку. Поставили его в комнату и лишились сна. Старенький агрегат тархтел так, что дрожа-

ли диван, стулья и буфет.

– Садитесь, – предложила Соня, вытаскивая из-под стола табуретку.

Я осторожно опустилась на колченогую скамеечку и решила сразу брать быка за рога.

– Меня зовут Лена Гладышева.

– Соня, – ответила почтальонша.

– Вчера вечером, около восьми, вы разносили почту?

– А как же! Два раза в день положено, – кивнула Соня, – я аккуратно разложила.

– Откуда вы взяли конверт с долларами?

Соня покраснела так, что губы ее слились по цвету со щеками.

– Какой конверт? – прозаикалась она. – Я ничего не знаю!

Я пару секунд молча смотрела на нее, потом вынула кошелек, вытащила сто долларов и тихо сказала:

– Сонечка, вы не сделали ничего плохого, мне просто надо знать, кто вручил вам деньги.

Почтальонша уставилась на зеленую купюру, потом тоже очень тихо спросила:

– Это мне?

– Да, – кивнула я, – если расскажете, как было дело.

– Не знаю, деньги-то какие огромные, – покачала головой Соня, – я так объясню, бесплатно. Муж ваш постарался.

– Да ну? – фальшиво изумилась я. – Давайте-ка поподробней!

Соня облокотилась на подоконник и начала рассказ. Вечера она подошла к подъезду, где живет Ленка, около половины восьмого, но не успела открыть тяжелую дверь, как была остановлена мужчиной.

– Вы почтальон? – спросил он.

Соня кивнула.

– Сделайте одолжение, – попросил мужик, – положите в ящик сто двадцатой квартиры этот конверт.

Почтальонша испугалась:

– Ни за что. Мало ли чего там внутри!

– Да вы не пугайтесь, – улыбнулся мужик, – там всего лишь деньги.

Он раскрыл конверт, и Соня увидела доллары.

– Жена моя бывшая там живет, – грустно объяснил он, – ушла, дверь хлопнула и сына забрала. Гордая слишком, алименты не берет. Пытался ей деньги давать, назад швыряет. Вот, думаю, конверт придется ей принять, ну не станет же его в подъезде бросать.

Честно говоря, объяснение выглядело не слишком убедительно, но Соня – женщина недалекая, больше всего на свете она любит любовные сериалы. Поэтому она взяла конверт и, получив сто рублей за услугу, положила его в железный бокс. Вот если бы ее попросили вынуть из ящика конверт с деньгами, то Соня никогда не пошла бы на такой шаг, а отчего не положить? Ведь она ничего не забирает, а прибавляет!

– И как этот мужчина выглядел?

Соня наморщила лоб.

– Да обычно, в куртке такой черной и брюках.

– Лицо помните?

Она насупилась:

– Волосы темные, вьются слегка, длинные, уши прикрывают.

Я почувствовала легкий озноб. Олег тоже был темноволосым, и волосы у него вились, но не мелкими кудряшками, а лежали красивой волной. И он любил, когда пряди спускались ниже мочек. Балетные часто носят длинные волосы, но у Олега имелась на то особая причина. На виске у него было родимое пятно. Приятель стеснялся отметины и, как мог, прикрывал ее.

– Глаза карие, – перечисляла Соня, – большие такие, под ними синяки. Я еще подумала, на больного похож!

Мне стало нехорошо. Темные круги под глазами у Олега были с детства. Его бабушка в свое время обежала чуть ли не всех московских педиатров, требуя от них ответа на вопрос, почему у ее внука такой болезненный вид. Но медики только качали головой. Никаких недугов у Олега не было, с нагрузкой в балетном училище он справлялся легко, даже насморк не цеплялся к Гладышеву. Вся Москва в метро чихала и кашляла, а он спокойно ходил без шапки в самый сильный мороз. Просто у него была очень тонкая кожа вокруг глаз, вот сосуды и просвечивали. Кстати, в подростковом возрасте предприимчивый Гладышев часто пользовался этим обстоя-

тельством. Приходил домой и валился на диван с книжкой, но тут, как правило, появлялась бабушка и, потряхивая поводом, говорила:

– Олежек, Кара хочет гулять!

Гладышев откладывал томик, тяжело вздыхал и уныло отвечал:

– Сейчас, бусенька, только дух переведу, что-то голова кружится.

Старушка бросала взгляд на бледное лицо внука с огромными синяками под нижними веками и поспешно сама собиралась на улицу, приговаривая:

– Отдыхай, детка, ты и впрямь ужасно выглядишь!

– Куртка на нем была, – продолжала Соня, – черная, а может, темно-коричневая, кожаная. Я плохо разглядела, хоть перед подъездом горит фонарь, да вокруг-то темно, восемь вечера, февраль, самая ночь... Вроде джинсы у него еще изпод нее виднелись.

Я молча слушала почтальоншу, пытаюсь справиться с тревогой, змеей вползавшей в душу. Олег всегда предпочитал короткие куртки и джинсы любил больше любой другой одежды.

– Приятный такой мужчина, – продолжала Соня, – стройный, наверное, бывший военный.

– Отчего вы так решили? – удивилась я.

– А спину ровно держит, – пояснила она, – словно палку проглотил. Сейчас все скрюченные да скособоченные ходят,

а этот прямой, будто накрахмаленный, и голова как на подносе, подбородком вверх. Видать, себе цену знает! Ну чего? Похож на вашего бывшего? Что же вы от такого симпатичного мужика ушли, да и при деньгах он, очевидно! Вот бы мне такой попался!

Это Олег! Полуграмотная почтальонша очень четко описала осанку человека, профессионально занимающегося танцами. Абсолютно прямой позвоночник, лопатки почти сведены вместе, и высоко поднятая голова. Когда всю свою жизнь проводишь в танце, это не может не отразиться на осанке.

Значит, Гладышев отчего-то решил бросить Ленку и ребенка. Теперь понятно, почему он испарился вместе с паспортом. Хотя странно... Ведь его искали... Ну и что? Машину тоже объявили в розыск, и результат? Она стояла совершенно спокойно в самом центре города, и никто даже ухом не повел, так бы и сгнил автомобиль, не пройди мимо противная Нинка Расторгуева! Скорей всего, Олег уехал из Москвы. Впрочем, нет, в гигантском мегаполисе очень легко затеряться. Небось снял квартиру в другом районе и живет себе припеваючи. Но почему? Конечно, чужая жизнь потемки, однако со стороны казалось, что семья Олега и Ленки на редкость крепкая. Никакой корысти, женясь на Ленке, Олег не преследовал – у нее богатых родственников нет, а материальное положение Ленки на момент брака с Гладышевым было просто аховым. Когда Олег впервые привел к нам в дом

Лену, еще до свадьбы, на ней была тоненькая курточка из дешевой синтетики. Это в январе-то! Она стянула в прихожей одежонку на рыбьем меху и быстро сказала:

– Мне всегда так жарко, что мех я не ношу. Висит норка в шкафу, только пылится!

Я посмотрела на ее красный нос, покрытую мурашками шею и не поверила.

Олег на самом деле любил Ленку и обожал Алешу. Так почему сбежал от них? Да еще так дико, заставив жену мучиться от неизвестности?

– Вы узнаете этого человека, если я покажу вам его фотографию? – спросила я.

Соня кивнула:

– Конечно.

– Можно еще раз к вам зайти?

– Почему же нет? – удивилась Соня. – Сегодня я весь день буду дома, уборку затеяла.

Я попрощалась с ней и пошла назад. Сейчас придется сообщить Ленке не слишком приятную информацию. Как она отнесется к тому, что супруг жив и отчего-то прячется?

В подъезде дома Гладышевой меня ожидал сюрприз. Баба Клава не сидела на своем месте. Я сначала даже оторопела, не увидев ее на посту. Железные решетчатые двери оказались открытыми. Я вошла в лифт и ткнула пальцем в кнопку. С тихим шуршанием кабина поползла вверх. Да уж, даже самая отличная дежурная иногда вынуждена отлучиться в туа-

лет. Очевидно, бабе Клаве очень приспичило, раз она унеслась к себе, забыв проверить, хорошо ли заперты решетки.

Дверь Лениной квартиры была приоткрыта, но этот факт меня как раз не удивил. Из-за бдительной старухи внизу жильцы дома потеряли всякую осторожность, и Лена частенько не запирала замок. А зачем волноваться? Мимо бабы Клавы и пушинка не пролетит, а соседи тут приличные, в основном люди искусства. Олег построил квартиру в кооперативе, принадлежащем Москонцерту.

– Эй, ставь чай, я замерзла, – закричала я, стаскивая сапожки, – а лучше кофе, только не растворимый, слышишь, Лен!

Но в ответ не донеслось ни звука. Я вошла в комнату, служившую Гладышевым гостиной, и обомлела. Стенка раскрыта, на полу валяется одежда вперемешку с видеокассетами, фотографиями и книгами. Честно говоря, Ленка неряха, особого порядка у нее никогда не бывает, но чтобы такое?!

Я распахнула дверь во вторую, маленькую комнату. Раньше она была семейной спальней, теперь Ленка спит в ней одна. Здесь все выглядело вполне нормально. Кровать, правда, не застелена, на спинке кресла висит кое-какая одежда, а на прикроватном коврик валяется подушка, но у Ленки всегда так. В комнате Алеши царил порядок. Мальчик большую часть времени проводит у няни. Лена забирает его в пятницу вечером и возвращает назад в воскресенье. Мне кажется, что это не лучший режим для ребенка, но если учесть, что ника-

ких помощников у матери нет, а работает она журналисткой, то, наверное, Алеше лучше с няней, тем более что она живет в этом же доме.

Маленькая кроватка была аккуратно застелена пледом, бесконечные ряды машинок выстроились на полках из светлого дерева, на письменном столе, слегка скривившись набок, сидел потертый коричневый мишка.

Относительно аккуратно было и на кухне, вернее, как всегда: грязная кастрюлька на плите, несколько чашек и таракан, кисло шевеливший усами в мойке.

Я боюсь насекомых, поэтому, поискав глазами тряпку и не найдя ее, хотела уже возвратиться в большую комнату. Скорей всего, Ленка решила произвести генеральную уборку, случаются у нее раз в году подобные порывы, и, не доведя дело до конца, бросила. Но куда она сама подевалась? Может, пошла к соседке?

Внезапно со двора раздался вой сигнализации. Я насторожилась. Похоже, кто-то из местных хулиганов решил «обидеть» мой «Пежо». Распахнув дверь лоджии, я выскочила наружу, чтобы посмотреть вниз, и закричала. На полу, выстланном красивой итальянской плиткой, лежала скорчившись женщина. Мне понадобилось несколько минут, чтобы сообразить: передо мной Ленка, скорей всего, мертвая, потому что под ее головой растеклось большое темное пятно. Преодолевая ужас, я села возле нее на корточки и прикоснулась к плечу, ожидая ощутить холод. Но пальцы почувство-

вали живое тепло, а потом Лена и вовсе застонала, слабо, еле слышно, но отчетливо.

Я потеряла всякий разум и принялась бестолково метаться по квартире, пытаюсь разыскать телефонную трубку. У Ленки радиотелефон. Естественно, трубки никогда нет на месте, она может валяться где угодно: на кресле, под диваном. Бросив взгляд на софу, я внезапно поняла, что подруга лежит на холоде, на плитке, правда, в брюках и свитере, но без всякой верхней одежды, и может в придачу к проломленной голове получить еще и пневмонию.

Схватив плед, я быстрее птицы метнулась к балкону. Поднять Ленку побоялась, просто прикрыла ее сверху, бормоча: – Сейчас, сейчас доктора вызову.

Потом опять побежала в комнату. Ну где же телефон? Неожиданно в голову пришла мысль: надо взять свой сотовый и набрать номер Лены. Трубка запищит, и я быстро ее обнаружу. Вытащив крохотный аппаратик, я потыкала в кнопки, и тут же из-под диванных подушек понеслась бодряя мелодия. Я кинулась к дивану, потом остановилась и растерянно посмотрела на мобильный. Похоже, я совсем с ума сошла, могу же воспользоваться собственным телефоном!

Глава 6

«Скорая помощь» приехала на удивление быстро, не задержался и Дегтярев. Хмурый Александр Михайлович быстро переговорил с врачами и велел мне:

– Хочешь курить, ступай на балкон.

Я покорно шагнула к двери.

– Да не на этот! – взвился полковник. – Не смей затапывать место происшествия, иди на другую лоджию.

Я повиновалась. Ленкина квартира угловая, и в ней два балкона. На один можно попасть из кухни, на другой – из большой комнаты. Впрочем, кухонный больше похож на веранду. Олег в свое время застеклил его, но не так, как у всех, а очень красиво. Бока и крыша сделаны из разноцветных кусочков стекла, а спереди он не застеклен. Ленка очень любит этот балкон, весной и летом частенько пьет там кофе. Вторая же лоджия просто превращена в склад, где хранится всякая чепуха. Я пробралась между коробками, лыжами, запасным колесом от «Жигулей» и, опершись на парапет, стала бездумно смотреть вниз. У дома отчего-то стояли две «Скорые помощи». Естественно, там толпилась куча зевак. Из подъезда показались санитары. Мое сердце тревожно сжалось. Двое крепких парней в коротких темно-голубых халатах легко тащили носилки, на которых лежал... черный, наглухо закрытый пластиковый мешок. Я уронила недокуренную сигарету

и заорала:

– Дегтярев!

– Ну что еще? – высунулся на лоджию недовольный полковник. – Только не говори, что тут еще кто-то лежит с простреленной головой!

Но я, не обращая внимания на его идиотскую шутку, ткнула пальцем вниз:

– Лена умерла!

– С чего это тебе пришло в голову? – изумился Александр Михайлович, глядя, как грузят в машину носилки.

– Так тело в мешок положили!

– Это не Лена.

– А кто? – подскочила я. – Больше никого в квартире не было!

– Дежурная из подъезда, – пояснил Дегтярев.

Я попятилась:

– Баба Клава?

– Да, лифтерша, – продолжал Александр Михайлович, – ее нашли на полу, около столика. Очевидно, она не хотела пускать в подъезд этих отморозков, а они в нее выстрелили. Точно в глаз попали, так что скончалась она мигом, наверное, и вскрикнуть не успела.

Ноги мои подкосились, я рухнула на коробку, набитую ненужным шмотьем. Вот почему бабы Клавы не было на посту, когда я вошла в подъезд. Она вовсе не бегала в туалет, а лежала под столом мертвая.

В Ложкино я приехала в состоянии, близком к истерическому. Мало того что я узнала про «воскрешение» Олега, смерть бабы Клавды и ранение Ленки, так еще Дегтярев заставил меня чуть ли не сто раз повторить историю с конвертом и деньгами. Долларов в квартире не нашли, и мне стало понятно, что бедная Ленка – жертва грабителей, которые зашли в открытую квартиру.

Дома было тихо, Аркадий и Зайка, естественно, на работе, Машка возвращается около девяти вечера, а Аньку и Ваньку, моих внуков, няня повела на занятия. Близнецам только-только исполнилось два года, но Зайка нашла учебный центр «Грамотей», где таких крошечных детей обучают математике, рисованию, чтению и пению. Честно говоря, мне, педагогу с многолетним стажем, непонятно, каким образом можно объяснить малышам нотную грамоту и о каком чтении идет речь, если Ванька еще плохо говорит. Но спорить с Зайкой – дело бесполезное. Если Ольге что-то взбредет в голову, отговорить ее от этого шага не способен никто, а уж тем более я.

Чувствуя огромную усталость, я вошла в столовую в надежде хлебнуть кофейку в одиночестве и тут же узрела щедушную фигуру Генри. Вот черт, совсем забыла, что к нам заявился Генка вместе с профессором-орнитологом. Ну почему вчера я не послушалась Зайку? В Москве и впрямь полно гостиниц, куда можно отвезти незваных гостей. Правда, номера в них невероятно дороги, но у нас-то есть деньги!

– Чудесная стоит погода на дворе, – приветливо улыбнулся Генри, – вроде еще зима, но все уже свидетельствует о приближении карнавала.

– Какого карнавала? – испугалась я.

Нам сейчас только не хватает толпы людей, одетых в костюмы пиратов, гномов и разбойников. Надеюсь, Генри не думает, что в его честь мы собираемся дать костюмированный бал!

– Извините, – мягко усмехнулся Малкович, – иногда я могу употребить не то слово. Мы, этнические русские, дома всегда говорим на родном языке, но, поскольку последним человеком, который посетил Москву, была моя бабушка, то, естественно, я иногда ошибаюсь. Карнавал – это такое веселое мероприятие, которое устраивают в России, проводя зиму. Одеваются в чудные наряды, жгут костры, поедают блины с икрой.

– Вы имеете в виду Масленицу, – сообразила я. – Но ряженые по улицам у нас не ходят.

– Да? – вежливо удивился Генри. – А вот бабушка утверждала наоборот. Рано утром слуги входят в спальню хозяев, без приглашения, в обычные дни они себе подобного, естественно, не позволяют, но в Масленицу можно. Девушки одеты в красные сарафаны...

– Простите, Генри, – не утерпела я, – а когда ваша бабушка последний раз посещала Россию?

– Она уехала из Москвы в тысяча девятьсот восемнадца-

том году, – пояснил орнитолог, – убежала от Гражданской войны, голода и репрессий. Больше ей не довелось побывать в родимых краях, и бабушка очень тосковала, вспоминая, какая была интересная жизнь: балы, концерты.

– С того времени у нас много чего изменилось, – пробормотала я, – война была с сорок первого по сорок пятый. Потом социализм строили, затем вновь произошла революция... Вашей бабушке небось не очень бы понравилось в Москве в тридцать седьмом году. А вы сами зачем приехали?

Генри откашлялся:

– Я изучаю оранжевого гуся.

– Кого?

– Неужели вы никогда не слышали о нем? – изумился, в свою очередь, он.

– Нет.

– Позвольте, я объясню.

Я кивнула и откусила от яблочного пирога. Похоже, покоя не будет, так хоть узнаю, что это за гусь.

– Возле городка Юм, о, это маленькое местечко, тихое, провинциальное, – начал лекцию Генри, – есть уникальное место, озеро Так. Собственно говоря, оно представляет собой небольшое водяное пространство, ничем не примечательное, кроме одного. Озеро избрали для обитания гуся очень редкой породы...

Я слушала вполуха. Как все люди науки, Генри был излишне говорлив, его рассказ изобиловал ненужными дета-

лями с заумными подробностями. Чтобы не утомлять вас, просто сообщу суть дела.

Гусей этих в природе осталось мало, и Генри с коллегами очень хотят сохранить популяцию. Беда в том, что глупая птица совершенно не понимает своего счастья и ведет себя просто по-идиотски. Вместо того чтобы спокойно плодиться на берегах живописного озера и трескать заботливо приносимую орнитологами еду, птицы устраивают перелеты. Осенью оранжевые гуси косяком тянутся в Африку. Зачем им мучиться и отправляться на Черный континент, когда можно преспокойно перезимовать в комфортных условиях возле городка Юм, я не поняла. Но факт в том, что гуси осенью улетают, а весной возвращаются. И с каждым годом птиц становилось все меньше и меньше. Когда их число достигло пятнадцати штук, ученые всполошились и решили исследовать путь миграции.

Америка – богатая страна, поэтому дело было поставлено с размахом. Закупили дорогостоящую аппаратуру, а на всех гусаков нацепили специальные ярко-оранжевые браслеты. Генри на экране компьютера мог увидеть, куда летит стая. Сначала все шло нормально. Особи достигли Египта и осели в одном из его районов. Малкович уточнил, что это берег Нила, и продолжал наблюдения. Весь осенний период гуси смирно паслись в Египте, но в декабре случилось непредвиденное. Четырнадцать гусей мирно сидели у реки, а вот пятнадцатый! С ним произошла натуральная чертовщина.

Во-первых, этот сумасшедший гусак отбился от своих собратьев, во-вторых, он улетел из Египта, но направился в сторону Европы. Страшно удивленный Генри просто обалдел, когда гусь прибыл в Париж. Там он, судя по информации, которую выдавал компьютер, свил гнездо в предместье, и, что самое странное, совсем не у воды. Затем гусак принялся снова по Франции. Семь дней провел в Нормандии, пять – в Бретани, неделю в провинции Коньяк и благополучно вернулся в окрестности столицы, где задержался на некоторое время. Но если вы думаете, что гусь утихомирился, то ошибаетесь. Каждый божий день он летал над Парижем, причем над самым центром, успокаиваясь лишь к вечеру. Спать противный гусь всегда возвращался в предместье.

Генри не знал, что и подумать, с таким поведением пернатых исследователь столкнулся впервые. Дальше – больше. Утром двадцать пятого января, спокойно позавтракав, орнитолог уселся перед экраном и увидел, что мерзкая птица непостижимым образом за одну ночь переместилась из Парижа... в Москву. Было от чего сойти с ума! Конечно, гуси летают достаточно быстро, но преодолеть огромное расстояние за такое короткое время! Добравшись до главного города России, птичка взялась за старое, принялась мотаться каждый день по разным кварталам, возвращаясь на ночь в пригород столицы.

Окончательно обалдевший Генри рассказал эту историю своему приятелю Геннадию, ткнув карандашом в карту:

– Вот тут он поселился, в какой-то деревне или городе под названием Ложкино. Мне бы найти этого сумасшедшего гуся! Дело пахнет научным открытием!

Геннадий поглядел на карту и воскликнул:

– Ложкино! Да у меня там бывшая жена живет!

Тут же родился план поехать в Россию и на месте разобратся, что к чему.

Я внимательно слушала Генри. Так, по крайней мере, кое-что становится ясно. Один явился сюда, чтобы получить всемирную славу. Интересно, зачем приехал Генка?

– Неужели так точно известно, где поселился гусь? – поинтересовалась я, когда орнитолог замолк.

– О, это очень интересно, хотите, покажу? – подскочил Генри, схватил меня за руку и поволок в свою комнату.

Понимая, что сопротивление бесполезно, я покорно пошла за ним.

– Вот, – воскликнул он, открывая ноутбук, – все крайне просто, видите?

Я взглянула на экран и не удержалась от восхищенного возгласа:

– Ну надо же! Это же наше Ложкино!

– Это что! – воодушевленно воскликнул ученый. – Мне сейчас перешлют из Юма другую, еще лучшую программу, и я покажу вам с точностью до сантиметра, где прячется гусь. Хотя, думается, я и так знаю место его обитания. Тут есть где-нибудь поблизости озеро?

Я кивнула:

– Да, буквально в двух шагах от нашего дома, надо пройти через лес, за ним сразу озеро.

– Я абсолютно уверен, что гусь там! – радостно воскликнул Генри и уставился на экран. – Хотя сейчас он вновь улетел в Москву. Вот неумолимый, зачем он облетает город?

Лицо орнитолога приобрело странное, застывшее выражение.

– А вы не знаете, какие дела привели в Москву Гену? – осторожно спросила я.

– Нет, – ответил ученый, – что-то связанное с бизнесом.

– Разве он не преподаватель? – удивилась я.

– Да-да, – буркнул Генри, щелкая мышкой, – именно так, о! Смотрите-ка, уже пришла программа!

Он уткнулся в ноутбук. Я постояла пару секунд около него и вышла.

Дегтярев приехал поздно. Александр Михайлович не умеет водить автомобиль, и ему приходится договариваться, чтобы кто-нибудь из нас подвез его в Ложкино. Честно говоря, каждый раз возникают неудобные ситуации. Однажды, проведя часа два в машине перед входом в здание, где служит полковник, я обозлилась и, когда толстяк наконец соизволил явиться, сердито сказала:

– В Ложкино очень удобно ехать на такси, дорога, сам знаешь, идеальная.

– Какую глупость ты говоришь! – возмутился приятель. –

Да с меня сдерут жуткие деньги!

Впрочем, до нашего коттеджного поселка можно добраться и на электричке, только отчего-то такое простое решение не приходит в голову Дегтяреву. К слову сказать, чаще всего доставлять полковника домой доводится мне, но сегодня его привез Кеша.

Я вышла из комнаты, глянула со второго этажа вниз и крикнула:

– Эй, Дегтярев, как там Лена?

Хмурый полковник поднялся наверх и коротко ответил:

– Пока жива, хотя прогноз в таких случаях неутешителен.

Огнестрельное ранение головы – вещь непредсказуемая.

– Я думала, ее ударили...

– Нет, выстрелили, – сухо ответил приятель.

– Скажи...

– Нет, – оборвал меня Александр Михайлович.

– Что – нет? – удивилась я.

– Все нет!

– Это как понять?

Дегтярев медленно порозовел и стал похож на фруктовый зефир.

– Дарья, – сурово заявил он, – тебя это дело не должно касаться никак!

– Ну ничего себе! Ленка – моя подруга, Олега я знаю с детства и обязана...

– Ничего ты не обязана, – прервал меня полковник. – Тебе

нужно заняться домашним хозяйством, следить за тем, чтобы Маша хорошо училась, воспитывать Аньку и Ваньку... Ну что ты каждый раз лезешь не в свое дело! Ведь дрянь получается!

От негодования у меня пропал голос. Да я распутываю любые хитроумные узлы лучше профессионалов, и кому-кому, а полковнику это известно очень хорошо.

Дегтярев повернулся и пошел вниз, кипя от негодования, я наблюдала за ним. Примерно на середине лестницы полковник поскользнулся и чуть не упал, но сумел устоять на ногах, уцепившись за перила. В полной тишине Александр Михайлович наклонился, оглядел ступеньку, потом выпрямился, повернулся ко мне, указал пальцем вниз и с пафосом заявил:

– Вот! Ты обязана следить, чтобы все прутья, придерживающие ковер, находились на месте! И незачем изображать из себя Шерлока Холмса и мисс Марпл в одном флаконе. Ты вечно попадаешь впросак, а мне потом отдуваться.

Закончив сентенцию, Дегтярев невозмутимо достиг первого этажа и вошел в столовую. Я от гнева потеряла дар речи. Ну, толстяк, погоди! Можешь быть уверен, я обязательно отыщу Олега, причем сделаю это намного быстрее и лучше, чем правоохранительные органы. Вот тогда и посмотрим, кто из нас в каком флаконе!

Глава 7

На следующий день, около часа, я поехала к почтальонше Соне. В сумочке лежала фотография Олега, может, не самая лучшая, но на ней Гладышев был вполне узнаваем. Мне повезло, я миновала половину пути без пробок и первый раз встала у светофора только на пересечении Ковалевской улицы с Нежинским переулком. Пока горел красный свет, я закурила и призадумалась. Ну почему Олег сбежал от семьи? Должна же быть какая-то веская на то причина? Жена, ребенок, хорошая работа, материальный достаток – и вдруг бац!

Слева послышался резкий стук. Я вздрогнула и увидела сотрудника ГИБДД в ярко-желтой жилетке.

– Что случилось? – удивилась я, опуская стекло.

– А ну, отъезжай в сторону, – велел постовой.

– Зачем?

– Выполняй.

Я послушно замерла у обочины.

– Попрошу документики, – потребовал мент.

– В чем дело? – недоумевала я, протягивая техпаспорт и права.

– В чем, в чем... – бормотал сержант, разглядывая закатанные в пластик корочки, – зеленый загорелся, потом красный, потом снова зеленый, а ты все стоишь, пьяная, что ли?

И он с подозрением посмотрел на меня.

– Я никогда не употребляю алкоголь, если собираюсь вести машину! – возмутилась я.

– Ну-ну! – протянул постовой и велел: – Открой багажник.

Я выполнила его приказ и, нырнув в теплое нутро «Пежо», вздохнула. Ну почему сотрудники ГИБДД такие противные, а?! Отчего никогда не улыбаются, не шутят? Не далее как в декабре я точно так же задумалась за рулем, стоя на улице Арго, в Париже. Ко мне подошел полицейский и весело спросил:

– Мадам, на светофоре уже горел красный, желтый и зеленый свет, вы предпочитаете какой-то другой цвет?

А наш сразу: «Документы, пьяная...»

Не найдя никаких нарушений, постовой отпустил меня, а я не стала предлагать ему пятьдесят рублей, не за что!

Возле дома Сони стояли машины, и пришлось парковать «Пежо» довольно далеко от ее подъезда, а потом ковлять по обледенелому тротуару. Возле двери я поскользнулась и упала, а когда встала – обнаружила, что любимые черные брюки порвались на обеих коленках. В общем, день не задался с самого начала, оставалось надеяться, что его вторая половина будет более удачной.

Едва я протянула руку к звонку, как дверь квартиры Сони распахнулась и оттуда вышли две невысокие женщины. Одна была в черном пальто, другая – в юбке и вишневой, расшитой люрексом кофте.

– Вы к нам? – спросила вторая.

Я кивнула.

– Входите, – предложила она, – на кухню.

Я прошла в знакомое помещение, села на ту же табуретку, что и вчера, и хотела было спросить: «Можно увидеть Соню?», как женщина резко сказала:

– Вы небось с почты? Ну давайте деньги! Чего так запоздали, агентша только что ушла! Ваша заведующая еще с утра обещалась прислать.

– Какая агентша? – растерянно спросила я.

– Какая, какая, – довольно зло отозвалась тетка, – ясное дело, похоронная! Между прочим, все из-за вас получилось! Виданное ли дело отправлять слабую женщину разгуливать с такой суммой!

– Простите, я не с почты, позовите, пожалуйста, Соню!

Женщина пару секунд смотрела на меня, не мигая, потом пробормотала:

– Соню? Да вы откуда?

– Я ее знакомая, новая. Мне очень надо с ней поговорить.

– Соня умерла, – ответила баба, одергивая жуткую кофту.

От неожиданности я сначала оторопела, а потом отчего-то спросила:

– А вы ей кем приходитеесь?

– Так сестрой, старшей, – спокойно сообщила она.

– Как вас зовут? – Я медленно приходила в себя.

– Равиля, – ответила она. – Мне теперь не только своих

детей тянуть, еще Сонькиных на ноги ставить. Господи, ну за что нам такое горе!

– Но что случилось? – спросила я. – Я вчера была у Сони. Она выглядела очень бодрой, собиралась квартиру убирать.

– Сонька здорова была, – тяжело вздохнула Равиля, – это у меня полно хронических болячек, а у сестры все было в порядке, на ноги только жаловалась, говорила, прямо гудят к вечеру. Убили ее из-за больших денег, много тысяч в сумке несла, вот негодяи и прознали, решили поживиться!

Я с недоверием оглядела кое-где облупившиеся кухонные шкафы и помятую алюминиевую кастрюльку, стоявшую на допотопной газовой плите.

– Откуда у вашей сестры огромные средства? Извините, пожалуйста, но мне показалось, что она живет очень скромно.

– Так не ее тыщи-то, – с жаром пояснила Равиля, – чужие деньги!

– Чьи?

Равиля вытащила из ящика стола сигареты.

– Курите?

– Вообще да, но сейчас не хочется.

Сестра Сони почиркала дешевой зажигалкой, потом выпустила бледно-голубую струю дыма и ответила на мой вопрос:

– Пенсию она разносила. Есть пожилые люди, которым из дома выйти тяжело, вот им почтальон на дом деньги и при-

носит. Раньше «автоматом» на сберкнижку переводили, а теперь боятся с государством связываться, наши правители-то люди ненадежные. Захочется им, мигом у граждан сбережения отнимут.

Я кивнула. Это верно, слишком много испытаний выпало на долю пожилых людей: война, разруха, нищенское существование на крохотную зарплату, погоня за едой и одеждой, потом, правда, были относительно спокойные годы «застоя», зато после восемьдесят пятого «интересные» события пошли просто косяком... Реформа Павлова, шоковая терапия по Гайдару, национальные конфликты, терроризм, дефолт. Понятно, почему большинство населения предпочитает хранить деньги в банке, трехлитровой, зарытой на огороде или спрятанной на антресолях.

– А еще зима на дворе, – говорила Равиля, – скользко. Даже те бабульки, что летом сами на почту ходят, дома осели, боятся руки-ноги сломать.

Чувствуя, что вот-вот начнется мигрень, я терпеливо слушала Равилю. Вчера вечером, около восьми, Соня взяла большую сумму денег и пошла по домам. Конечно, не следовало ходить с такими деньжищами вечером по темным подъездам, но альтернативы у почтальонши не было. Пенсию нужно разнести в определенный день, если выплата запаздывает, разгневанные старики начинают трезвонить в отделение, а самые прыткие даже жалуются в мэрию. Обычно Соня, взяв деньги, ходит по домам до тех пор, пока не

избавится от ассигнаций, но вчера, как на грех, у нее заболел ребенок. Поэтому она решила сделать днем перерыв и отправилась по оставшимся адресам только после того, как капризничавший сын заснул.

Почтальонша нарушила правила. Она не должна была приносить чужие пенсии домой, их следовало сдать на почту, а потом снова взять. Но противная заведующая ни за что бы не разрешила матери отлучиться к больному сыну.

– Поэтому Соня принесла деньги домой. Смерть настигла ее в родном подъезде. Какие-то подонки ударили почтальоншу по голове, забрали сумку и убежали. Дело было вечером, основная масса жильцов уже сидела по домам, тело нашли около десяти, когда негодяев давным-давно и след простыл.

– Откуда же преступники узнали, что у нее в сумке деньги? – тихо спросила я.

Рафия махнула рукой:

– На почтальонов часто нападают. День, когда выдают пенсии, строго определен. Небось проследили за Сонькой, утром-то народу много на улице, а она еще мало походила и домой пришла. Вот и решили вечером налететь, знали небось, что должна деньги до конца разнести. Где уж женщине с бандитами справиться!

– Им охрану не дают? – не успокаивалась я. – Ведь понятно, что почтальонша с сумкой, набитой банкнотами, лакомый кусочек для преступников.

Рафия грустно усмехнулась:

– Скажете тоже! Охраннику платить надо, а где средства взять? Когда в ноябре в соседнем отделении двух почтальонш убили, остальные стали требовать, чтобы их в день пенсии на такси возили... Только ничего не вышло, начальство категорично заявило: «Желаете на авто кататься – платите сами».

Я вернулась в машину, села за руль и закурила. Вот уж никогда не думала, что почтальона с деньгами никто не охраняет. Бедная Соня вчера еще строила какие-то планы, мечтала, надеялась, жила, а сегодня лежит в морге. И главное, что преступников не найдут, если они, конечно, не станут регулярно промышлять разбоем. Как-то раз Дегтярев сказал мне:

– Хуже всего раскрываются дела, связанные с грабежом на улице. Подбежали, ударили, отняли кошелек и унеслись. Если преступников не задержали сразу, пиши пропало.

Жаль, что я не успела показать Соне фотографию. Однако странно, почему же Олег сам не положил конверт в ящик? Соне он сказал, что не может пройти в подъезд из-за лифтерши, якобы баба Клава не пустила его.

Зная характер Клавдии, удивляться не приходится, только она ведь отлично знала Гладышева, он же много лет жил в этом доме. Так почему он не сам отнес конверт?

Я раздавила окурок в пепельнице. Совсем ты, Дашутка, ума лишилась. Ясно почему: Олег не захотел светиться именно потому, что баба Клава его великолепно знает. Де-

журная, естественно, в курсе того, что жилец бесследно пропал больше года назад. Как вы думаете, что бы она предприняла, увидев Гладышева на пороге? Мне думается, что бывшая тюремщица поступила бы так, как предписывала ее прежняя должностная инструкция: заперла бы беглеца между двумя решетками и позвонила в милицию.

Я завела мотор и поехала в сторону центра. Вот оно, последнее доказательство того, что Олег жив, здоров и находится в Москве. Любой другой человек спокойно мог войти в подъезд. Баба Клава никогда не проявляла немотивированной злобности. Да, она задерживала тех, кто казался ей подозрительным, но с остальными людьми разговаривала вполне нормально. Предположим, ей не понравился человек, принесший конверт, но ведь она могла взять письмо и сама положить в ящик. Нет, приходил именно Олег, и я обязана найти его, не прибегая к помощи Дегтярева. Почему? Ну, во-первых, просто обидно, когда тебя оскорбляют, считая ни на что не способной дурой, а во-вторых... Была, была какая-то причина у Олега скрыться, скорей всего, он совершил нечто предосудительное, поэтому и прячется. Я же его старый, проверенный друг. Вот найду Гладышева и помогу ему уехать из России вместе с Ленкой, которая, дай бог, к тому времени поправится, и Алешей.

Справа по курсу возникла вывеска закуской. Очень хорошо, сейчас зарулю в эту забегаловку, съем сэндвич и спокойно подумаю.

В небольшом зале толпилось чересчур много народа. У окна заливался плачем ребенок, которому дали в подарок не ту игрушку, а в центре, за сдвинутыми столиками веселилась большая компания тинейджеров, демонстративно громко обсуждающих свои сексуальные подвиги. Я взяла сэндвич, мороженое в рожке, стаканчик того, что здесь гордо именовали «капуччино», и пошла в свой «Пежо»: есть и думать нужно в относительном покое.

Сэндвич я держала в руках, стаканчик с суррогатом кофе поставила в специальное углубление возле стеклоподъемников, оставалось пристроить рожок. Через секунду и ему нашлось место – я сунула его в подставку для мобильного. Уж не знаю, из чего сделано это мороженое, но таять оно начинает не сразу, что, на мой взгляд, свидетельствует об исключительной вредности лакомства.

Развернув хрусткую бумажку, я впилась зубами в кунжутную булочку. Да, эта еда вредна, но как вкусно!

Значит, так, попробуем воспроизвести в уме, как провел Олег тридцать первое декабря. Мы с Ленкой столько раз вспоминали тот день, что все передвижения Гладышева я могу назвать с точностью до минуты.

Утром Олег встал, принял душ, выпил кофе и сказал Ленке:

– Сейчас поеду на работу, там, очевидно, сегодня не задержат. Сразу из Дома моделей рвану в Ложкино, поздравлю Дашку и назад.

– Только не очень задерживайся, – попросила жена.

– Нам в ресторан к одиннадцати, успею, – ответил Олег.

Ленка обиделась:

– Интересное дело! Между прочим, мне хочется сесть с тобой вдвоем у елки и выпить шампанское, проводить старый год, вручить тебе подарок.

– Не дуйся, котик, – засмеялся муж, – я просто дразнил тебя. Ясное дело, вернусь в районе шести-семи. Кстати, о подарках. Помоги мне оттащить пакеты в машину.

Ленка надела шубу и, пока муж грел мотор, разместила на заднем сиденье предназначенные нам сувениры. Потом Олег поцеловал ее и шепнул:

– Может, успеем не только шампанское выпить, а то жди потом целый год, до первого января...

Ленка рассмеялась, Олег нажал на газ, «Жигули» бодро покатали по шоссе. Больше подруга мужа не видела. Правда, он позвонил ей в районе часа и весело сообщил:

– Гарик проявил чуткость и всех отпустил по домам. Сейчас народ чокается бокалами, а я понесусь в Ложкино.

– Смотри не пей, – предостерегла его Ленка, – сегодня гаишники всех проверять будут, кучу денег отдашь.

– У меня с собой только двести рублей, – засмеялся Олег, – но прикладываться к шампанскому не стану, надеюсь, заботливо приготовленная для нас бутылочка будет стоять возле разобранной кровати часов этак в пять или шесть. До одиннадцати нам хватит времени.

– До девяти, – поправила Ленка.

– Это почему? – удивился Олег.

– В десять нам выезжать, а надо еще одеться, накраситься, причесаться.

– Лучше всего, дорогая, ты смотришься без одежды, – хотнул не в меру разошедшийся супруг, – так бы и съел тебя целиком.

Все, больше они не разговаривали. Значит, до часу дня Олег и не думал никуда бежать. Он не взял из дома никаких вещей и денег, правда, имел при себе паспорт, но это ни о чем не говорит, в наше время документ, удостоверяющий личность, многие носят в кармане. Что же случилось в промежуток с тринадцати до пятнадцати? Часы, найденные в машине, остановились ровно в три. Что произошло с Олегом в этот короткий промежуток? Может, на работе кто вспомнит нечто интересное?

Я облизала пальцы, одним махом выпила остывший капучино и поехала в Дом моделей Гарика Сизова.

Глава 8

Став богатой дамой, я, естественно, принялась посещать самые разнообразные магазины одежды, решив вознаградить себя за те годы, когда покупка колготок превращалась в настоящий праздник. Месяца хватило на то, чтобы понять: даме, перешагнувшей сорокалетний рубеж, купить себе достойный наряд крайне тяжело.

Торговые точки, рассчитанные на покупателей со средним кошельком, типа «Мехх» и «Бенеттон», предлагают в основном одежду для юных девушек. К тому же нашим женщинам, массово носящим 52-й размер, в этих залах делать просто нечего, не стоит им заглядывать и в «Манго», «Саш» по той же причине: самый большой размер там сорок восьмой. Впрочем, я, с легкостью влезающая в европейский тридцать шестой, могла бы уйти домой, обвешанная пакетами. Могла бы, но не хочу! Меня не привлекают топики ядовито-розового цвета, бело-зеленые капри и кургузые шерстяные кофточки-двойняшки. Хочется одеваться элегантно, но где взять такую одежду?

Потерпев неудачу с вещами массового пошива, я устремилась в более дорогие бутики, но среди отнюдь не дешевых, эксклюзивных платьев тоже не нашлось ничего достойного. Даже если наряд в целом выглядел и сидел хорошо, раздражали детали. Желая выпендриться, кутюрье старались изо

всех сил. Длинная узкая юбка с разрезом до пояса, блузка, не имеющая пуговиц и распахивающаяся при самом легком движении, брюки, не застроченные по боковым швам. Все это, может, и оригинально, но не для меня.

Я решила не сдаваться и пошла по московским домам моды. Лучше бы я никогда не начинала поход. Ассортимент выглядел удручающе: блески, гигантские пояса, перья, боа, трусики и лифчики из меха, комбинезоны из резины. Когда Ольга Кисина, девушка, чье имя бомонд произносит с придыханием, предложила мне приобрести костюм из латекса, я в ужасе унеслась. Я не готова ходить по городу в виде гигантского презерватива, и потом, в этом прикиде, должно быть, жутко неудобно, жарко, потно, липко.

С тех пор я приобретаю вещи где попало, не обращая никакого внимания на ярлычки. Пару раз отхватила вполне приличные брюки на вещевом рынке «Динамо». Самое интересное, что, когда я, одевшись в турецкие шмотки, заявила в гости к известной моднице Лариске Пенкиной, последняя завистливо вздохнула и, одергивая топорщившуюся на ней жуткую кофту от Кисиной, заявила:

– Конечно, тебе хорошо! Судя по всему, в Париже брючата нарыла! Разве у нас такие купишь!

Я хотела было ответить: «Съезди на «Динамо», там таких как грязи», но удержалась и теперь частенько покупаю вещи в непрестижных местах, а «тусовочные» дамы исходят от зависти. Так что абсолютно неважно, где вы раздобыли платье,

главное, как оно на вас сидит.

Гарик Сизов появился на Олимпе моды лет десять тому назад. Начинал с того, что шил брюки разным людям, бегал по домам с сантиметром и булавками. Потом вдруг как-то резко разбогател, открыл собственный салон, нанял закройщиков, швей, манекенщиц.

Правда, злые языки поговаривают, что Гарик заработал денежки не руками, а тем местом, которое следует прятать в сшитые им брюки, но меня это совершенно не касается.

– Добро пожаловать, – ласково улыбнулась дама лет сорока, сидевшая в просторном холле, уставленном манекенами в модных туалетах, – что вас интересует? Справа новая, весенняя коллекция, слева еще зимняя, естественно, она уже дешевле на тридцать процентов.

Испугавшись, что говорливая мадам сейчас всучит мне один из жутких, бесформенных твидовых пиджаков, я поспешно сказала:

– Можно увидеть Гарика?

Дама вскинула брови:

– Нет, конечно.

– Почему? – удивилась я.

– Он занят, и вообще, к господину Сизову только по предварительной записи, если хотите, могу записать вас на май.

Я села в кресло у стола, положила ногу на ногу, вытащила из сумки кредитную карточку, повертела ее в руках, потом спрятала назад, побарабанила пальцами, украшенными

кольцами, по столешнице, недовольно взглянула на золотые часики и сказала:

– Жаль. Я редко бываю в России, хотела заказать у Гарика сразу пальто, плащ, костюм, платье, блузки, брюки, жилет, словом, целый гардероб.

– Может, из готового подберете? – попыталась сопротивляться администратор.

Я изогнула бровь и процедила сквозь зубы:

– Дорогуша, дама моего положения не надевает ЭТО!

Вымолвив последнюю фразу, я встала и медленно двинулась к двери, брэнча ключами от «Пежо».

– Подождите, пожалуйста, – окликнула меня дама.

Я обернулась.

– Сделайте одолжение, пройдите по коридору в девятую комнату, Гарик вас примет.

Я кивнула:

– Правильное решение, дорогая, хорошего клиента не следует отталкивать.

Очевидно, администраторша позвонила Гарику, потому что он встретил меня с распростертыми объятиями. Минут десять мы рассматривали альбомы, потом я, ткнув пальцем в первое попавшееся изображение, заявила:

– Вот этот костюм мне нравится.

– Прекрасно, – воскликнул Гарик, – нет проблем!

– Только хочу его в розовом варианте, Олег говорил, что это мой цвет.

– Желание вашего мужа для меня закон, – улыбнулся Сизов, – я всегда учитываю пожелания супругов, ведь в конце концов дамы приобретают вещи, чтобы нравиться кавалерам, никто не повезет косметику и стильную одежду с собой на необитаемый остров.

Я посмотрела на его сытое, довольно улыбающееся лицо. Конечно, Гарику приходится учитывать вкусы мужей, ведь именно они платят за обновление гардероба жен.

– Олег – не мой супруг, – надула я губы.

– Простите, значит, будет им.

– Увы, нет, он умер!

Сизов помолчал минуту, потом другим, отнюдь не игривым голосом сказал:

– Прошу прощения, если был бестактен, ей-богу, не хотел.

Я кивнула:

– Ничего, бывает. Кстати, вы великолепно знали Олега.

– Да? – удивился Гарик. – Он шил у нас одежду?

– Нет, он работал у вас. Гладышев Олег, не припоминаете?

Пропал тридцать первого декабря, в прошлом году.

Сизов вытащил золотой портсигар, вынул тоненькую папироску, помял ее, спрятал назад и уточнил:

– Позапрошлом.

– Что? – не поняла я.

– Тридцать первого декабря прошлого года было два месяца назад, – пробормотал он, – а Олег исчез в позапрошлом году.

Я кивнула:

– Верно, хотя так и хочется сказать, что в прошлом, ведь на самом деле прошло всего четырнадцать месяцев. Ужасно, правда?

– Да, ничего хорошего, – грустно ответил Гарик, – о нем до сих пор ни слуху ни духу.

– Интересно, что случилось?

Сизов нахмурился:

– Сам терялся в догадках. Одно время думал, что он просто решил удрать от жены, но потом выбросил эту мысль из головы.

– Почему?

– Кем вы ему приходитесь? – внезапно насторожился модельер.

Я улыбнулась:

– Другом детства, мы знакомы буквально с яслей, но никаких любовных отношений между нами никогда не существовало. Его супруга Лена – моя ближайшая подруга.

– Хотите кофе? – предложил Сизов.

Я вспомнила недавно выпитый отвратительный капуччино и поспешно ответила:

– Лучше чай.

Гарик кивнул, открыл шкаф, вынул банку кофе, упаковку чая, включил чайник, стоявший на подоконнике, и тихо сказал:

– Мужчина в модельном бизнесе – это особый вид пред-

ставителей сильного пола. Я говорю не о мальчишках, ходящих по «языку», они бабы. Но художники, фотографы, модельеры, наконец... Знаете, надо очень снисходительно относиться к женщинам, чтобы работать для них и среди них. Тут у нас, за кулисами дефиле, такие сцены разыгрываются, вам и не снилось ничего подобного! Девушки влюбчивы, вот и горят страсти, романы возникают мгновенно... Потом рыдают в раздевалках, устраивают бывшим любовникам сцены, таскают за волосы счастливую соперницу. Все же постоянно в одном котле варятся: бросил одну, тут же подцепил другую на глазах у прежней любви. Мне регулярно приходится выступать в роли третейского судьи, я сколько раз пытался запретить интрижки на работе, только как можно заставить козла равнодушно смотреть на капусту, коли он попал в огород.

Но Олег был не такой. Сколько бы ни строили ему глазки модельки, как бы ни намекали на свои проснувшиеся чувства, Гладышев равнодушно отворачивался от длинноногих красоток. Сизов был абсолютно убежден, что Олегу не нужен никто, кроме жены, и он даже начал уважать своего балетмейстера за столь несовременную верность. Впрочем, остальные мужчины, работавшие в Доме моделей, посмеивались над бывшим танцором, который вел себя, словно святой Иосиф, а через некоторое время Олега начали считать «голубым».

– На чужой роток не накинешь платок, – мрачно заявил

Сизов, – знаю, и про меня болтают, что до сих пор не женат, потому как предпочитаю в постели мужчин. Ну зачем мне скрывать собственные пристрастия? Будь на дворе семидесятые годы, тогда понятно, мужеложество – статья в Уголовном кодексе! Но сейчас?! Да клеймо «гей» теперь в большой моде! Однако болтают невесть что!

И он с наслаждением отхлебнул глоток растворимого кофе.

– Значит, вы полагаете, женщины тут ни при чем? – решила я подначить модельера. – А я, честно говоря, думала, что Олег убежал с любовницей...

– Это на него не похоже, – фыркнул Сизов, – во всяком случае, на работе он никаких попыток сближения с кем бы то ни было не делал. А уж чем он занимался в свободное время, я понятия не имею, мы близко не дружили, просто поддерживали хорошие отношения.

Я вытащила из чашки сморщенный пакетик, положила на блюдечко и сказала:

– Может, он деньги у кого взял в долг, пришла пора отдавать, а он не смог! Знаете, как бывает, включили счетчик, пошел процент... Вот Олег и предпочел исчезнуть. Кстати, какие-то подонки вчера напали на его жену, дома, в квартире. Выстрелили ей в голову. Я все терялась в догадках, почему на Ленку наскочили бандиты, а сейчас внезапно подумала: вдруг у нее имелись большие средства? Насколько помню, незадолго до исчезновения Олег говорил, что хочет ку-

пить загородный дом...

Про приобретение особняка я наврала. Гладышев, правда, не раз вздыхал, приезжая к нам в Ложкино:

– Господи, как хорошо-то за городом, я просто задыхаюсь в Москве.

– Так в чем дело? – спросил однажды Аркадий. – Купи дом и уезжай.

Олег хихикнул:

– Знаешь анекдот про генерала? Вызывает его к себе главнокомандующий и орет: «Почему битву проиграл?» Генерал начинает оправдываться: «Мы бы обязательно победили, только помешало пятнадцать причин». – «И какие же?» – кричит начальник. «Кончились патроны – это первая, вторая...» – «Не надо, – прервал его главнокомандующий, – хватит и этой».

– Ты к чему эту историю рассказал? – удивилась Зайка.

– Да к тому, что у меня тоже есть пятнадцать причин, чтобы не строить дом, а первая из них – кончились деньги, вернее, их и не было.

– Можно продать квартиру, – не успокаивалась Ольга.

– Как раз на цокольный этаж хватит, – засмеялся Гладышев, – нет, загородный особняк пока не для нас, может, потом когда-нибудь, в другой жизни.

Так что я хорошо знала, что свободных средств у Олега нет, им с Ленкой вполне хватало на комфортное существование, но и только. И в долг они у ростовщиков не брали.

Гладышев великолепно знал: если ему понадобятся деньги, я тут же дам ему любую сумму и, естественно, никогда не потребую никаких процентов.

В данный момент мне просто надо разговорить Гарика, а охотнее всего люди обсуждают чужие любовные приключения и финансовое положение.

Но Сизов неожиданно напрягся. Он отставил в сторону чашку и резко спросил:

– Так как, шьем для начала этот костюм в розовом варианте?

Я машинально кивнула.

– Тогда пошли к Натэлле, в соседнюю комнату, выбирать ткань.

Недоумевая, отчего это Гарик вдруг прервал мирно текущий разговор, я встала и двинулась за ним.

Через пять минут Сизов оставил меня наедине с молодой кареглазой девушкой, которая с энтузиазмом начала раскрывать альбомы с образцами тканей.

– Если вы остановились на цвете сомон, – журчала Натэлла, – то вот разнообразные оттенки. Самым подходящим кажется «Экрю». Хотя отчего бы вам не посмотреть зеленый? Думается...

– Нет-нет, – решительно прервала ее я, – мой ближайший друг, который, кстати, работал у Сизова, всегда говорил: «Дашутка, тебе идет розовый». А Олег Гладышев понимал в одежде, как никто другой.

– Олег? – удивилась Натэлла. Она отложила альбомчик. – Его нашли?

– Нет, хотя искали упорно.

– Ужасно. – Она покачала головой. – По мне бы, уж лучше знать, что умер. Время-то лечит, горе утихает. А так, мучиться целыми днями, надеяться. Мне очень жалко его маму!

Я вздрогнула:

– Родители Олега умерли, его воспитывала бабушка, тоже давно покойная.

– Хорошо хоть родственников не осталось, мучиться некому, – заявила Натэлла.

– А жена? – удивилась я. – Бедная Ленка вся испереживалась, лица на ней нет!

– Жена, – фыркнула Натэлла, – думается, она не очень страдает.

– Как вы можете так говорить! – возмутилась я. – Олег и Лена была образцовой парой.

Натэлла захихикала:

– Между прочим, Гладышев имел любовницу, ну да все мужики дряни, только об одном и думают. Я вот через полгода после свадьбы развелась. Первый раз муж мне знаете когда изменил?

– Нет.

– А сразу после бракосочетания, в ресторане, уволок свидетельницу, мою лучшую подругу, в подсобку. Представля-

ете, какой гад!

Я вспомнила своего бывшего супруга Макса, который не мог пройти мимо ни одной юбки, и сочувственно сказала:

– Согласна, встречаются экземпляры, начисто лишенные моральных принципов, но Олег-то другой. Уж поверьте, я знаю его с детства.

– Ничегошеньки-то вам не известно, – с горящими глазами заявила Натэлла и замолчала.

Чтобы заставить ее говорить, я возмущенно воскликнула:

– Вы клеветеете на человека, который не может защититься, о мертвых или ничего, или только хорошее!

– Я клеветую? – воскликнула, краснея, Натэлла. – Я не из тех, кто сплетничает, говорю только о том, что хорошо знаю, лично видела!

– Может, еще и свечку держала? – нагло ухмылялась я. – Нехорошо врать о покойном. Между прочим, Гарик только что сказал, будто Олег проходил мимо обнаженных моделей без всякого интереса.

– Гарик сказал! – совсем обозлилась Натэлла. – Да что он знает! Сизов тут вообще не хозяин, в Доме моделей всем его любовник, Сергей Завальнюк, заправляет!

Понимая, что беседа грозит перекинуться на совершенно неинтересного мне кутюрье, я быстренько заявила:

– Похоже, вы сами заигрывали с Олежкой, а он вам дал атанде, то бишь от ворот поворот.

У Натэллы побагровело не только лицо, но и шея.

– Я?! Да мне сто раз наплевать на Гладышева! Он совсем не в моем вкусе! И потом, он старый уже, да и некрасивый, – зачастила она, – но кое-кому тут очень даже понравился! На него девки охоту открыли, и одна добилась успеха. Майя Хвостова! Вот так!

– И откуда вам это известно?

Натэлла ткнула пальцем в стену:

– Оттуда.

Я проследила за ее рукой, увидела довольно симпатичную картину, изображавшую поле, усеянное белыми маргаритками, и вполне искренне ответила:

– Не понимаю.

– Сейчас объясню! – воскликнула молоденькая дурочка и вылила на меня ушат информации.

Меня лавина неожиданных фактов едва не погребла под собой, но я выстояла, тихо радуясь, что Сизов отправил меня к этой самозабвенной сплетнице.

Глава 9

Когда Гарик приобрел для Дома моделей здание, внутри оно выглядело не так, как сейчас. Сизов решил перегородить часть помещений, ему нужны были не многометровые залы, а комнаты. Перегородки поставили из гипсокартона, на капитальные стены тратиться не стали, да и кому они нужны?

Натэлла получила в свое распоряжение одну часть бывшего зала, а во второй обосновалась Майя Хвостова, шляпница. Как-то вечером Натэлла скучала у окна. Работы у нее не было, но Сизов, при всей своей внешней мягкости и подчеркнутой интеллигентности, поддерживал в Доме мод военный порядок. На службу следовало являться к девяти, а уходить в шесть независимо от того, есть клиенты или нет. Натэлла спокойно курила и вдруг услышала хорошо знакомый мужской голос:

– Майя, моя шляпа готова?

– Пока нет, – ответила соседка, – ровно в семь, где всегда.

На этом диалог прервался, ничего особенного в нем не было, к Майе часто заглядывали клиенты, но подавляющее большинство из них – женщины. И потом, что значит фраза «ровно в семь, где всегда»?

Натэлла очень любопытна, поэтому мигом подскочила к двери и глянула в щелку. По длинному коридору неторопливо шел Олег Гладышев. Натэлла почувствовала легкий укол.

Бывший танцор нравился ей, и она как-то раз попыталась пригласить его в кино, но получила полный отлуп. Нет, все было вежливо и мило, Олег с приятной улыбкой заявил:

– Натэллочка, большое спасибо, но поищи другого кавалера, мы с женой уже видели эту картину.

Натэлла прикусила губу, так ее еще никто не унижал, тоже мне, монах-отшельник.

Решив выяснить, что за отношения связывают Олега и Майю, она осталась на рабочем месте до без десяти семь. Из-за гипсокартонной стенки не доносилось ничего интересного. Хвостова любила напевать за работой и мурлыкала какие-то мелодии. Около семи она ушла. Натэлла кинулась следом, старательно прячась, но она осторожничала зря. Майечка, ни разу не оглянувшись, дошла до площади, на которой стоял памятник, и стала прохаживаться у его подножия. Натэлла, спрятавшись за киоск с мороженым, ждала развязки.

Внезапно раздался резкий гудок. Шляпница пошла к проезжей части и села в подъехавшие «Жигули». Глазастая Натэлла запомнила номер, хотя она и так уже понимала, что к чему, но проверить не мешало.

Утро принесло подтверждение – «Жигули» принадлежат Гладышеву. Из чистого любопытства Натэлла стала следить за парочкой.

Надо отдать должное любовникам, они вели себя словно два шпиона, едва кивая друг другу при встречах. Олег ни-

когда не заходил к Майе попить кофейку, если заглядывал в ее мастерскую, то только по делу. Натэлла лишь дивилась подобной конспирации. У Хвостовой имелся муж, у Гладышева – жена, ясное дело, они не хотели неприятностей.

– Но встречались регулярно, – закончила «информаторша», – я точно знаю.

– Как вам только не надоело за ними следить, – ухмыльнулась я.

Натэлла скривилась:

– А я такой человек, если начну какое дело, обязательно доведу до конца! Целеустремленность – вот мое основное качество.

Я промолчала. Целеустремленность! Да любопытство это, беспардонное и ничем не прикрытое.

– И вы не рассказали милиции о своих догадках, когда пропал Олег?

– Меня не спрашивали, – отрезала она.

– Неужели сыщики не опросили сотрудников?

Натэлла пожала плечами:

– Ходили здесь, разговаривали, только меня не было.

– Куда же вы подевались?

– Отдыхать уехала, взяла отпуск с двадцать пятого декабря, вернулась двадцатого января, весь Дом моделей гудел: «Гладышев пропал».

– И вы не пошли к следователю?

– Зачем? Никто меня не звал.

– Никому не рассказали о том, что знаете?

Натэлла захихикала:

– Ну почему же никому! Майку спросила разок: «Что, теперь до семи на работе не задерживаешься? Олегу-то шляпки больше не нужны?»

– А она?

Натэлла довольно улыбнулась:

– Побелела вся, прямо синяя стала и ответила: «Ты о чем, не понимаю».

Я резко встала.

– Майя, насколько я поняла, сидит в соседней комнате?

– Нет.

– Как нет?

– Уволилась она.

– Давно?

– Еще в прошлом году, весной. Так материал выбирать станем?

Пришлось листать альбом, снимать мерки и оплачивать совершенно ненужную мне вещь. Держа в руках квитанцию, я вышла в холл и сказала администратору:

– Вот заказала кое-что, теперь шляпка нужна.

– Прямо беда, – всплеснула руками дама, – ну не поверите, у нас нет шляпницы.

– Странно!

– И не говорите, просто ужасно, – забубнила она, – многие клиентки спрашивают, а сказать нечего.

– Но ведь работала здесь раньше эта... как ее... Хвостова!

– Майечка! Очень милая девочка, молоденькая, но рукастая и со вкусом. Уволилась, к сожалению, а новой шляпницы никак найти не можем.

Я вынула из сумочки зеленую купюру и положила на стол перед дамой.

– Знаю, что это не принято, но сделайте доброе дело, подскажите адрес Майи, мне шляпка позарез нужна.

Купюра исчезла мигом, я даже не успела понять, как это произошло.

– Телефон могу дать, – деловито сообщила администратор, – где Хвостова живет, не знаю, а номерок записан в книге.

Сжимая в руке бумажку, я села в «Пежо». Так, кое-что начинает проясняться. Трудно поверить в этот факт, но у Олега, кажется, была любовница. Очень хочется позвонить Хвостовой прямо сейчас, но я подавила желание. Вроде бы она замужем, скорей всего, ее супруг уже пришел с работы, и в его присутствии она не будет откровенна. Впрочем, сделаем так.

Я быстренько набрала номер и услышала тоненький детский голосок:

– Алло.

– Позови маму.

– Какую?

– Майю Хвостову можно?

– Это я.

– Ах, Майечка, – я прикинулась клинической идиоткой, – мне ваш телефончик дала Катюша Коткина, вы ей сделали такую шляпку! Просто восторг! Весна на носу, мне тоже нужен головной убор! Самый дорогой! Чтобы дороже, чем у всех! Лучший! Деточка, можете сделать такой?

– Попробую, – осторожно прервала меня Майя.

– О, отличненько, куда приезжать, дорогуша?

– Я работаю дома.

– Чудненько, прямо сейчас и примчусь!

– Лучше завтра, сегодня уже поздно.

– Ах, душенька, как прикажете, вы – кудесница, волшебница и имеете право на капризы. Завтра так завтра, адрес скажите.

Майя принялась растолковывать, как доехать.

В Ложкино я неслась страшно довольная собой. На Ленинградском проспекте есть одно очень неудобное место – мне нужно развернуться, но сделать это непросто, надо занять крайний левый ряд, а потом, мгновенно перестроившись, уйти в правый, потому что буквально через сто метров от разворота я должна повернуть вправо. Самое обидное, что перед неудобным разворотом имеется простой поворот, если поехать там, я сразу попаду на нужную улицу, но отчего-то ГИБДД поставила в этом месте знак: перечеркнутую стрелку. Как-то раз я от полного отчаяния нарушила правила и была немедленно остановлена суровым инспектором.

Правда, получив пятьдесят рублей, он мигом растерял всю серьезность, а у меня сложилось впечатление, что знак висит тут специально для того, чтобы улучшить материальное положение сотрудников дорожно-постовой службы. С тех пор я иногда еду «под стрелку», если вижу, что инспектора нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.